

КЭШ

Артур Таболов

Артур Таболов

КЭШ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Артур Таболов

Кэш

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Таболов А. Б.

Кэш / А. Б. Таболов — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Бывает ли детективный роман без сыщиков, погонь и таинственных трупов? Бывает, если это роман о российском бизнесе. Жизнь любого предпринимателя в России полна таких острых поворотов сюжета, что это уже не детектив, это триллер. Артур Таболов, автор романа «Водяра», всегда пишет о том, что хорошо знает. В своем новом романе «Кэш» он вводит читателя в темное закулисье российского бизнеса. Содержит нецензурную брань.

Вместо пролога

ПАМЯТНИК НА ВАГАНЬКОВСКОМ КЛАДБИЩЕ

С двадцатым веком Россия прощалась с облегчением и надеждой. Страшный был век. Как начался с национальной катастрофы, с революции и гражданской войны, так и закончился геополитическим катаклизмом – крахом СССР. А в середине? Будто ящик Пандоры открылся и высыпал на Россию все беды, мыслимые и немыслимые. Как вспомнишь, так вздрогнешь. Но, слава Богу, проехали. Теперь всё будет по-другому. Кончились 90-е с их нескончаемым бардаком, старого алкаша Ельцина сменил молодой президент с крепкой рукой. Он наведет порядок. Вот, уже приструнил Чечню. Выпьем же за то, что мы перемогли проклятый двадцатый век. С Новым годом, с новым веком, с новыми надеждами на спокойную мирную жизнь!

В России никогда не умирала надежда.

14 сентября 2009 года на Ваганьковском кладбище в Москве был открыт и освящен надгробный памятник на могиле человека, имя которого не мелькало на страницах газет, но было хорошо известно деловым людям, связанным со строительным бизнесом и финансами. Он погиб год назад в авиакатастрофе «Боинга 737» в Перми в возрасте сорока восьми лет. Никто не знал, зачем его понесло в Пермь, никаких дел там у него не было. Когда его фамилия появилась в списке жертв катастрофы, сначала даже не поверили, что это он. Но в компьютере аэропорта сохранились его паспортные данные, а дежурная компании «Аэрофлот-Норд», которой принадлежал самолет, уверенно опознала его по фото: да, этот господин зарегистрировался на рейс и прошел на посадку. То, что от него осталось, отпели в храме Воскресения Словущего и похоронили в закрытом гробу.

Открытие памятника было приурочено к первой годовщине со дня его смерти.

Известно, что на Ваганьковском кладбище хоронят тех, кто по своему социальному весу не дотягивает до Новодевичьего, но все же весомее Троекуровского или Хованского. Но и тут своя градация: кто-то лежит рядом с Есениным и Высоцким, кто-то подальше. Место для захоронения погибшего выделили вдалеке от центральной аллеи, и людям, которые пришли почтить его память, пришлось протискиваться между могильных оград по траве и раскисшей глине. С утра моросило, вода копилась на листьях лип и берез, струйками плюхалась на зонты. В процессии было человек десять мужчин разного возраста, все в черных кашемировых пальто, с черными зонтами. Со стороны казалось, что по кладбищу ползет, изгибаясь между могилами, длинная черная гусеница, лоснящаяся от воды. Все были с букетиками гвоздик, а два молодых человека в конце несли тяжелый венок.

Возле надгробия, закрытого черной пленкой, их ждал коренастый мужичонка с нервным лицом в рыжеватой кожаной куртке и в камуфляжных штанах, заправленных в кирзовые сапоги с подвернутыми голенищами. Длинные седые волосы перехватывал кожаный ремешок, как у русских мастеровых. Это был известный среди московских камнерезов Фрол, человек небес-талантный, но запойный в двух своих состояниях – когда работал и когда пил, третьего состояния у него не было. Он сидел на черной гранитной скамье, установленной перед могильной клумбой, окантованной гранитным поребриком. Такая же скамья была напротив. Они предназначались для тех, кто придет сюда скорбно помолчать о безвозвратной утрате. При появлении процессии он поднялся и встал возле памятника, ожидая знака снять пленку.

Черная гусеница подтянулась к могиле и обступила ее полукругом. В центре оказался грузный человек лет пятидесяти с брезгливым выражением на тяжелом лице с темными мешками под глазами. Его как будто всё раздражало: погода, измазанные глиной туфли, медлительность сопровождающих. Спросил, ни к кому в отдельности не обращаясь:

– Священник?

Поспешно ответили:

– Облачается. Поторопите, Олег Николаевич?

Он недовольно посмотрел на часы и кивнул камнерезу:

– Открывай.

Фрол совлек пленку с надгробия и ревниво взгляделся в лица, пытаясь понять, какое впечатление произвело его творение.

Творение представляло собой глыбу белоснежного мрамора на черном гранитном постаменте. Из мрамора словно бы вырывалось лицо человека с грубоватыми чертами и с выражением несмирности со своей зависимостью от бесформенности камня. Ему так и не удалось вырваться, но и то, что открылось, говорило о необычном, сильном характере.

На постаменте золотилась надпись:

ГЕОРГИЙ АНДРЕЕВИЧ ГОЛЬЦОВ

16.05.1960 – 14.09. 2008

Долго, исподлобья, как бы набычась, смотрел тот, кого назвали Олегом Николаевичем, на надгробие. Все в окружении застыли, не смея ни словом, ни лишним движением помешать тяжелому начальственному молчанию. Наконец, он сказал:

– Похож.

Молодые люди поставили к постаменту венок, расправили ленту с надписью «От команды «Росинвеста». Помним, скорбим», все положили на могилу цветы. Только Олег Николаевич остался стоять со своими гвоздиками, словно позабыв, что с ними делать. Он так и простоял все время, пока подоспевший молодой служитель храма Воскресения Словущего совершал чин освящения, побрякивая кадиллом и окропляя надгробие святой водой. Он даже забыл снять шляпу, но никто не решился ему об этом напомнить. Лишь когда церемония закончилась, шагнул вперед, обнажил крупную лысоватую голову и произнес напряженным голосом:

– Георгий, друг! Сколько я себя помню, ты всегда был рядом. Даже сейчас я чувствую твое присутствие. Мы всегда с тобой, ты всегда с нами.

С этими словами положил на могилу гвоздики, нахлобучил шляпу и пошел прочь, не оглядываясь и не разбирая дороги. Черная гусеница поползла к выходу, извиваясь между могилами. Фрол увязался следом. Он ухитрился первым оказаться возле начальственного «мерседеса», услужливо открыл Олегу Николаевичу дверцу и почтительно поинтересовался:

– Всё было как надо?

– Ну?

– Бонус бы.

– Расчет получил?

– Получил, – со вздохом признался Фрол. – Уже давно.

– Свободен.

«Мерседес» уехал, за ним машины сопровождающих лиц. Фрол проводил их хмурым взглядом, пробормотал: «Суки!» Потом купил в палатке две фляжки коньяка «Московский» и побрел к могиле Гольцова, чтобы в одиночестве отметить окончание работы. Трудная было работа. Полгода он не выходил из мастерской, испортил три мраморных заготовки. Но всё же сделал то, что хотел. Сделал. Грех за это не выпить.

Но выпить в одиночестве не получилось. Еще издали Фрол увидел возле могилы какого-то мужика в кепке и сером плаще. Он сначала стоял, рассматривая надгробье, потом медленно

обошел памятник и наконец сел на гранитную скамейку и закурил. Он был явно не из тех, из «Росинвеста», что отбыли здесь протокольное мероприятие. Но и на случайного прохожего не похож. Они все больше на центральной аллее, глазают на знаменитостей. Если он забрел сюда в будний день, да еще в непогоду, значит были на то причины.

– Знакомый? – спросил Фрол, опускаясь рядом и деловито сворачивая крышку с первой фляжки.

– Можно сказать и так.

– Выпьешь?

– Нет, спасибо.

– А я приму... – Фрол выбулькал в рот полфляжки, занюхал рукавом. Прислушался к себе, оценил: – Хорошо. Когда долго не пьешь, сразу вставляет!.. Значит, знал его?

– Знал.

– Хорошо знал?

– Хорошо даже себя не знает никто.

– Тогда зацени, – с широким жестом предложил Фрол, не обратив внимание на неопределенность ответа. – Моя работа.

– Это я уже понял, – усмехнулся незнакомец и послушно посмотрел на надгробие.

– Ну, как? – поинтересовался Фрол. Не то чтобы его очень уж волновало мнение этого мужика, но был хороший повод поговорить о недавно законченной работе. Сам он не сомневался, что изваял шедевр, но уверенность была еще не очень твердая, податливая, как сырая глина. Поэтому Фрол был открыт для чужих оценок. Лучше для восхищенных, но можно и просто для одобрительных. А кому не нравится, шли бы вы со своим мнением в жопу, много вы понимаете.

– Похож, – помедлив, сказал незнакомец.

– Да что вы, как сговорились! – разозлился Фрол. – Похож, не похож! Разве в этом дело?

– А в чем?

– Ни хера ты не понимаешь в искусстве! Образ – вот в чем! Есть образ – искусство. Нет – трэш. Мусор, если тебе так понятней.

– Пожалуй, есть, – согласился незнакомец. – Таким он был в первую половину жизни.

– Каким?

– Да вот таким, – кивнул незнакомец на памятник. – Ничего не боялся.

– А во вторую?

– Уже не таким.

Фрол опорожнил фляжку и сунул ее в карман. Потом выбросит. Не в его правилах было свинячить на кладбище.

– И то верно, – подумав, сказал он. – Я все больше работал по его фоткам в молодости. Вдова дала. Странная дамочка.

– Почему странная?

– Да как? Вроде переживала, а на открытие памятника не пришла. Сигареткой не угостишь? Вообще-то я не курю, только иногда, когда выпью.

Корявыми, с каменными мозолями пальцами деликатно взял сигарету из иностранной пачки, прикурил от зажигалки незнакомца. Одобрил:

– Крепкие... Слушай, мужик, я мог тебя где-то видеть?

– Нет. Я даже не москвич, здесь проездом.

– Откуда?

– Издалека, с севера.

– А почему мне твой фейс кажется таким знакомым?

– Понятия не имею. Дежавю – ложная память. Мне пора. Приятно было познакомиться.

– Да посиди, – попросил Фрол. – Хоть поговорить с человеком. Это ты хорошо сказал: первая половина жизни, вторая половина жизни. Я когда выбиваю черточку... ну, эту вот: год рождения – год смерти, меня иногда поманивает выбить еще одну: год рождения, год смерти и еще черточка. Третья половина жизни. Как бы человек её прожил? Что бы сделал?

– Интересный вопрос. Отдал бы долги, которые не успел отдать. Получил бы долги, которые не успел получить. Заставил бы оплатить все счета. К третьей половине жизни много чего накапливается. – Незнакомец надвинул на глаза кепку и встал. – Пойду, дела. Будь здоров, мастер. Удачи тебе.

– И тебе.

– Спасибо. Удача мне бы не помешала.

Фрол поглядел ему вслед, ополовинил вторую фляжку и осмотрел надгробие как бы посторонним взглядом. Будто не он извлекал из бесформенного мрамора образ этого человека, а кто-то другой. С удовольствием отметил: добротная работа, без дураков. И вдруг замер. Да вот где он видел этого мужика! Вот почему его фейс показался таким знакомым! Он же прожил с ним целых полгода!

Ну да, те же резковатые черты лица, то же выражение упорства, над которым он столько мудохался, чтобы передать его в камне. Лицо, правда, уже не молодое, жизнь хорошо по нему проехала, подсушила, уложила резкие складки в углах рта. Но тот же взгляд, та же неукротимость. Так вот зачем он пришел на Ваганьково: посидеть у своей могилы!

«Ну и дела!» – ошарашенно подумал Фрол, в рассеянности прикончил фляжку и долго еще сидел у надгробия, размышляя о превратностях жизни.

На кладбище всегда хорошо думается о жизни.

Глава первая У ГРЕХОВ ДЛИННЫЕ ТЕНИ

I

Со дня открытия памятника Гольцову прошло уже два месяца, а Олег Николаевич Михеев, генеральный директор ЗАО «Росинвест», всё никак не мог избавиться от тяжелого чувства, которое оставило у него это действие. Действо по сути своей формальное, ничего не означающее кроме того, что оно означало: в годовщину гибели Георгия на его могиле был открыт памятник. Вот и всё. Михееву не в чем было себя упрекнуть, он сделал всё, что от него зависело. Пробыл в московской мэрии место на престижном Ваганьковском кладбище, а это было очень непросто, заплатил чертову уйму денег за надгробие. Надгробие получилось впечатляющее. Олег Николаевич замер, когда с мрамора соскользнула черная пленка. Словно бы Георгий на мгновение ожил. Впечатление было гораздо сильнее, чем на похоронах. Тогда был просто закрытый гроб в венках, свечи, золотые ризы настоятеля храма Воскресения Словоущего. И было, чего греха таить, чувство облегчения. Со смертью Георгия будто исчезла радиация, невидимая, но опасная для всех, кто его окружал. Своей энергией и склонностью к риску он создавал вокруг себя атмосферу постоянной напряженности, будто стоишь рядом с трансформатором чудовищной мощности. В молодости это увлекает, а на пятом десятке хочется чего-то поспокойнее.

И вот трансформатор умолк, стало тихо.

Причину своего настроения Олег Николаевич попытался найти во внешних обстоятельствах. Не пришел никто из правительственных чиновников, многие из которых называли себя друзьями Георгия. И когда-то были друзьями. Михеев сам обзванивал всех и уверял, что ника-

кой прессы не будет. Не рискнули. Ну, этого следовало ожидать, последние годы у Георгия была репутация человека, от которого лучше держаться подальше. Не пришла вдова. Тем самым дала понять, что не желает иметь с Михеевым ничего общего. И хорошо, что не пришла. В ее присутствии Олег Николаевич чувствовал бы себя напряженно. Слишком много между ними накопилось такого, о чем лучше не вспоминать. Так что и не в этом дело. А в чем?

По складу характера Михеев не был склонен к рефлексии. Если в твоём холдинге три десятка самых разных бизнесов от домостроительных комбинатов до банков и от нефтепереработки до патронного завода, тебе некогда копаться в душевных переживаниях. Олег Николаевич и в юности не особо расстраивался, когда его динамили знакомые девушки. Парень он был видный, спортивный, хотя никаким спортом не увлекался. Это сейчас набрал килограммов двадцать лишнего веса. Не красавец, но с внешностью добродушной, вызывающей доверие. С этой не вышло, выйдет с другой. Искренне не понимал, как можно из-за такой ерунды впадать в черную мерихлюндию и доставать друзей разговорами о том, что он жить без нее не может, к чему был склонен Георгий. Можешь. Еще и как можешь. Георгий злился: «Ты толстокожий, как бегемот!» В ответ слышал: «А ты псих». То, что Георгий называл толстокожестью, Олег Николаевич всегда считал признаком своего душевного здоровья, и обнаружить в зрелые годы, что и ты подвержен заразе неврастения – это было неприятным открытием. Но хуже было другое.

На открытии памятника Гольцову Олег Николаевич сказал, что он и сейчас чувствует присутствие Георгия в своей жизни. Ну, сказал и сказал, нужно же было что-то сказать. Но позже, пытаясь разобраться в себе, понял, что эти слова вырвались не случайно, что он вслух произнес то, в чем не хотел признаваться даже себе. Да, даже сейчас, через год после гибели, Гольцов в его сознании был так же реален, как бывает реален начальник, даже если его нет рядом. Он может быть в командировке или отдыхать на Бали, но он есть и с ним нельзя не считаться.

Эта мысль появилась у Олега Николаевича во время совещания с юристами. Ситуация была очень сложная. Речь шла о фармацевтической фабрике на юго-западе Москвы. Существовала она с середины 50-х годов прошлого века и долго была в ведении Министерства обороны. После 91-го года военные от фабрики отказались, госзаказы, обеспечивающие спокойную безбедную жизнь, кончились, фабрику отпустили в свободное плавание по бурному морю российской рыночной экономики. Генеральным директором был известный ученый-биохимик, действительный член Российской академии наук Владимир Федорович Троицкий. После акционирования фабрики сначала у него был блокирующий пакет, потом он скупил у рабочих их акции и довел свою долю до восьмидесяти процентов. Под залог части акций взял кредит, заключил соглашение с канадским фармацевтическим концерном «Апотекс» и стал выпускать лекарства по их лицензии. Но лекарства продавались плохо, фабрика еле сводила концы с концами. Года три назад Троицкий решил модернизировать производство и взял новый кредит в 40 миллионов долларов в «Альфа-банке». Но с модернизацией не получилось, деньги потратили без толку, и возвращать кредит было не из чего. Михеев заранее выкупил долг фабрики и, выждав подходящий момент, предъявил к оплате. Все шло к тому, что будет начата процедура банкротства и фабрика отойдет «Росинвесту». Ценность представляла не фабрика, а шесть гектаров бешено дорогой московской земли. Если построить на ней торговые центры и элитное жилье, прибыль зашкалит на тысячи процентов.

Но когда всё уже было на мази, фабрикой заинтересовалась фирма «Интеко», принадлежавшая жене московского мэра Батуриной. Михееву предложили переуступить долг. Правильнее даже сказать – приказали. Это была наглость, свидетельствующая о том, что «Интеко» не ожидает от какого-то «Росинвеста» и попытки сопротивления. Связываться с всемогущей Батуриной было опасно, но и смириться Михеев не мог. Вот тогда он и подумал: а как бы поступил в этой ситуации Георгий? Сама эта мысль говорила о том, что он так и не освободился

от влияния друга. Сознать это было неприятно, даже болезненно. Примерно так, с раздражением, реагирует ученый, сын всемирного известного ученого, когда ему напоминают об отце.

Олег Николаевич прервал совещание и перешел из кабинета в комнату отдыха. Утопив грузное тело в велюровом кресле, долго сидел с закрытыми глазами. Неплохо бы сейчас принять на грудь граммов сто чего-нибудь покрепче. Но он сдержался. И так последнее время стал слишком много пить.

В дверь постучали. На пороге появилась секретарь Марина Евгеньевна, сухопарая дама лет сорока, которую Михеев ценил за точность и исполнительность.

– Извините, Олег Николаевич...

– Что у вас?

– Позвонили с вахты. Там какой-то скульптор хочет вас видеть.

– Скульптор? – удивился Михеев. – Какой еще скульптор?

– Его зовут Фрол. Говорит, вы его знаете.

– А, камнерез! Чего ему?

– Не сказал. Уверяет, что по делу.

– Знаю его дела... – Михеев извлек из бумажника тысячерублевую купюру. – Передайте ему. И пусть гуляет.

Минут через десять, которые понадобились ей, чтобы спуститься со второго этажа на первый и подняться обратно, Марина Евгеньевна вернулась в комнату отдыха и положила банкноту на стол.

– Не взял. Говорит, у него к вам важное дело.

– Фрол не взял деньги? – не поверил Олег Николаевич. – Не может такого быть. Значит, дело действительно важное. Проводите его ко мне.

– Сюда? – почему-то испугалась Марина Евгеньевна.

– Не на вахту же мне идти. Что вас смущает?

– Он... как бы это сказать...

– Не во фраке? Ничего, выдержу.

Когда камнерез был впущен в комнату отдыха, Михеев сразу понял, чем была вызвана реакция секретарши. Он был в той же рыжеватой кожаной куртке, что и на кладбище, с тем же кожаным ремешком на лбу, придерживающим длинные седые волосы, только вместе камуфляжных штанов в кирзовые сапоги с подвернутыми голенищами были заправлены линялые джинсы, а на шее болталась голубенькая косынка, призванная заменить галстук. Кирзачи на дорогом ковре ввергли бы в панику любую хозяйку. Хорошо еще, что они были вымыты и даже слегка начищены.

– Да ты, брат, прибарахлился, как на светский прием, – заметил Михеев.

– Знал, куда иду, – ответил Фрол. – Здорово, Олег Николаевич. Правильно, что велел пустить, не пожалеешь.

– Выпить хочешь?

– Всегда. Но сначала дело. Современный человек никогда не мешает дело с удовольствием. И всегда различает, что дело, а что удовольствие.

– Да ты философ! – засмеялся Михеев.

– Такая профессия, располагает к размышлениям, – согласился Фрол. – Так вот, о деле. Как ты насчет того, чтобы заказать свой надгробный памятник?

– Как?! – изумился Михеев. – Тебе?

– А кому? Ты мою руку знаешь.

– Надгробный памятник?!

– Ну!

– Но я же еще... как бы это поточнее сказать? Немножко живой.

– Это сейчас ты живой. А кто знает, что будет завтра? Или даже через час? Лопнет какая-нибудь хренотень в голове – и привет. У тебя машина с мигалкой?

– С мигалкой.

– Вот! – обрадовался Фрол. – Выскочишь на встречу, как все вы привыкли ездить, а на тебя прет Камаз. И как? Ты только представь: взорвут тебя, подстрелят или еще что. Это я никому на хрен не нужен, а на серьезного бизнесмена всегда найдутся охотники. Уверен, что твои наследники закажут хороший памятник? А ну как решат сэкономить? И будешь лежать под цементом с мраморной крошкой с надписью «Спи спокойно, дорогой товарищ». Хорошо тебе будет? А так ты знаешь, что надгробие у тебя будет какое сам захочешь.

– Ты уже сколько пьешь? – поинтересовался Михеев.

– Не считаю. Вредная привычка. Сколько пью, столько и пью.

– А сколько не пьешь?

– Ох, долго. Часа три. Пока до твоего офиса добрался, пока ждал. Твоя вохра сначала и разговаривать не хотела.

– И когда эта светлая мысль пришла тебе в голову – когда пил или когда не пил?

– Да я уже давно об этом думаю. А к тебе пришел, потому что у тебя много знакомых бизнесменов. И все вы по краю ходите.

– Понимаю, понимаю, – покивал Михеев. – Ты сделаешь моё надгробие, я похвастаюсь перед друзьями, они захотят такое же. И тыпустишь это дело на поток. Наймешь бригаду, а сам будешь сидеть в офисе и стричь бабки. Так?

– Нет, с бригадой не выйдет, – вздохнул Фрол. – Придется вкалывать самому. Это всё же не ширпотреб, штучная работа.

– Что ты несешь, что ты несешь? – не сдержавшись, заорал Михеев. – Где это видано, чтобы живым людям заказывали надгробья?!

– Не скажи, – возразил камнерез. – Некрологи же пишут. Живым. В газетах на всех заготовлены некрологи. Я читал. Сегодня он отбросит коньки, а завтра утром уже некролог.

– Так то некролог! Сравнил!

– А какая разница? Только в материале. Там бумага, тут камень. И еще неизвестно, что прочнее. Бумага, бывает, все камни переживает. И ты же поставил памятник живому, – добавил Фрол, как бы удивляясь тому, что Олег Николаевич не хочет признать таких очевидных вещей.

– Какому живому? – не понял Михеев.

– Гольцову.

– С чего ты взял, что он живой?

– Я живого от мертвого отличаю на раз. Это просто. Жмуры по большей части молчат. А живые разговаривают. Бывают, что и они молчат, но это потому что говорить не хотят. Или не о чем.

– А с Гольцовым, значит, ты разговаривал?

– Как с тобой, – подтвердил Фрол.

– Где?

– На Ваганькове, на его могиле.

– Когда?

– Да сразу, как вы открыли памятник и свалили.

– О чем?

– Ни о чем, вообще. Об искусстве. В искусстве он ни хрена не понимает. О жизни. В жизни понимает. Про неё он хорошо сказал. К третьей половине жизни, сказал, много чего накапливается. Это я запомнил.

– Вот что, мастер, – решительно предложил Михеев. – Давай всё-таки выпьем. Мне будет легче тебя понимать.

– Как скажешь, ты хозяин.

Олег Николаевич открыл бар с разномастными бутылками:

– Выбирай. Виски? Коньяк?

– Да мне и водчонки хватило бы, – застеснялся Фрол.

– Водки не держим. – Михеев налил в хрустальные граненые стаканы «Хеннеси», чокнулся с камнерезом. – Будь здоров!

– И тебе не болеть.

– А теперь соберись и не пропускай подробностей, – попросил Михеев. – Почему ты уверен, что человек, с которым ты разговаривал на могиле Гольцова, и был Гольцов?

– Обижаешь, Олег Николаевич. Назвал меня мастером, а моему глазу не доверяешь. Он у меня полгода жил вот тут, – постучал Фрол по лбу. – Я узнал бы его в любой толпе. Врубился, правда, не сразу. Только когда он ушел.

– Какой он?

– Высокий, худой. Лицо как на памятнике, только уже не молодое. Если бы сейчас делать его, мрамор бы не подошел. Мрамор – он всегда молодит.

– Как одет?

– Да как? Обычно. Серая кепка, плащик – такой, сотни три на любой барахолке. Считаешь, гоню? – слегка оскорбился Фрол, заметив на лице Михеева ироническую усмешку.

– Ну почему? Верю, что говоришь то, что думаешь. Только человек, о котором мы говорим, если мы говорим об одном и том же человеке, в плащах с барахолки никогда не ходил. Не было у него такой привычки. Предпочитал Хуго Босса.

– Если разобраться, что такое привычка? – рассудительно заметил Фрол. – Следствие обстоятельств. Я тоже не всегда в кирзачах ходил. И ничего, хожу.

– Ну-ну, дальше? – поторопил Михеев.

– Да, считай, всё. Сказал, что не москвич, проездом откуда-то с северов. Но я так думаю, соврал. Не знаю зачем. Выговор у него московский, ни с чем не спутаешь. Что еще? Курил как-то странно, из горсти, обычно зэки так курят.

– Папиросы?

– Нет, сигареты. «Голуаз».

– «Голуаз»? – переспросил Михеев. – Уверен?

– Ну да. Угостил меня. Я так понимаю, Олег Николаевич, мое предложение тебя не зацепило? Насчет надгробия?

– Зацепило, – заверил Михеев. – Могу даже сказать – потрясло. Нужно подумать. Такие вещи с кондачка не решают. Давай-ка, мастер, еще по граммулке, да мне пора заняться делами.

– Наливай, – уныло кивнул Фрол. – Зря я, выходит, тащился через всю Москву. А я бы тебе хороший памятник сделал. Есть в тебе что-то наполеоновское, если ты понимаешь, о чем я говорю. С такими фейсами интересно работать.

Олег Николаевич только головой покачал. Похоже, этот псих верил, что Михеев двумя руками ухватится за его идиотскую идею, и теперь искренне огорчен. Он присоединил к бесхозной тысячерублевке еще несколько купюр, сунул их в карман рыжеватой куртки Фрола и похлопал его по плечу.

– Не расстраивайся. Общество всегда плохо воспринимает новые идеи. Не созрело. Ничего, созреет. До некрологов про запас созрело? Созреет и до надгробьев. Я вот о чем тебя попрошу. Про то, что ты разговаривал с Гольцовым, не нужно никому рассказывать. Могут неправильно понять.

– Не поверил, значит, – заключил Фрол. – Думаешь, померещилось спьяну? Так я в тот день был как стекло. Полгода не пил, страшное дело!

– Я-то верю, а другие могут и не поверить. И загремишь в психушку. Тебе это надо? Ценю, что ты пришел ко мне. Насчет своего надгробья не обещаю, но при случае порекомендую

тебя тем, кому оно уже нужно. Сильную ты сделал работу. Я прямо обмер, когда ее увидел. За твою руку, мастер!

Фрол с достоинством опорожнил стакан, занюхал рукавом куртки. Михеев вызвал секретаршу.

– Проводите моего гостя.

Оставшись один, обессилено повалился в кресло. Даже трудные многочасовые переговоры не выматывали его так, как этот разговор. Разговор совершенно идиотский. Даже странно, как это камнерезу удалось Олега Николаевича в него втянуть. Какая-то чертовщина была в убежденности Фрола в том, что он разговаривал с живым Гольцовым.

Марина Евгеньевна напомнила:

– Через десять минут совещание по экономике.

– Перенесите на завтра.

– Что с вами, Олег Николаевич? Что-то случилось?

– Нет, всё в порядке. Просто немного устал.

– Вот не хотела я пускать к вам этого волосатого. Как знала. Он сумасшедший.

– Не будьте так строги к людям, – вяло посоветовал Михеев. – Все мы немного сумасшедшие. Каждый по-своему...

Сумасшедший. Это многое объясняло. Но не всё. «Голуаз». Георгий всегда курил эти французские сигареты. С тех пор, как они появились в Москве. Тысячи людей курят «Голуаз». Тысячи людей курят сигареты, как зэки – как бы из горсти, защищая их от дождя и снега. Так, как курил Георгий после четырех лет в лагере. Привык, да так и не отучился. Человек, с которым на Ваганьковском кладбище разговаривал камнерез, вполне мог курить сигареты «Голуаз», не такая уж это случайность. Он мог курить их, как бывшие зэки, мало ли в Москве бывших зэков. Но то, что он курил «Голуаз» так, как курят зэки – если и это была случайность, то какая-то редкостная, высшего порядка.

И было еще кое-что, что мешало Михееву стереть этот идиотский разговор из памяти, как стирают ненужный файл.

II

Звонку из Следственного комитета российской прокуратуры, который раздался несколько месяцев назад, жарким июльским днем, Олег Николаевич сначала не придавал значения. Звонил следователь по особо важным делам Саша Кириллов, с которым Михеев был знаком еще с тех пор, когда он работал в Таганской межрайонной прокуратуре и имел чин юриста первого класса, что по армейским меркам соответствует званию капитана. За несколько лет сделал неплохую карьеру (не без помощи Олега Николаевича, оба это знали, но никогда не говорили об этом), стал подполковником юстиции. Они поддерживали доверительные отношения, иногда Михеев консультировал Сашу по сложным хозяйственным делам, в которых за долгие годы работы в серьезном бизнесе научился разбираться лучше любого юриста. Они давно уже были на «ты», Михеев называл Сашу по имени, а тот Михеева по имени-отчеству, потому что был младше его лет на десять.

– Олег Николаевич, не найдется у тебя немного времени, чтобы заехать ко мне? – спросил Кириллов.

– Что за вопрос? Конечно, найдется. Может, пересечемся в городе? – предложил Михеев. – Например, в «Пиноккио» на Кутузовском. У них, говорят, новый повар, из Италии. Там и поговорим.

– Не получится, – поскучнел Кириллов. – Нужно в конторе. Бывал у нас? Технический переулок, дом два. Это возле Лефортово.

– Найду.

– Не забудь паспорт, пропуск закажу...

Для любого предпринимателя вызов в СКП, даже в такой деликатной форме, не обещает ничего хорошего. Пока «мерседес» Михеева торчал в пробке в загазованном лефортовском тоннеле, он прикинул, с какой стороны можно ждать неприятностей. Вроде бы ни с какой. Было несколько дел в арбитраже, но ничего такого, за что мог бы уцепиться следственный комитет. Олег Николаевич успокоился.

Саше Кириллову было около сорока, но выглядел он неприлично молодо. Белобрысенький, небольшого росточка, хилого телосложения, с узким унылым лицом, словно пропитанным канцелярской пылью. Недокормленный студент-старшекурсник, а не следователь СКП по особо важным делам. Но жестоко ошибались те, кто по внешности судил о его характере. Среди знакомых Михееву милицейских и прокурорских мало кто мог сравниться с этим студентом по вьедливости, он впивался в жертву энцефалитным клещом. Не забывал и своего интереса. Не сказать, чтобы это очень нравилось Олегу Николаевичу, но было удобно. Саша был из тех людей, с которыми можно договориться. Это всегда облегчает жизнь.

– Проходите, господин Михеев, – встретил он посетителя скучным казенным голосом. Олег Николаевич удивленно на него посмотрел. Саша подергал себя за ухо. Михеев кивнул: понимаю. – Будьте добры, паспорт. Внесем в протокол допроса ваши данные.

– В протокол допроса? – переспросил Михеев.

– В протокол допроса свидетеля.

Пока Кириллов тюкал двумя пальцами по клавиатуре ноутбука, Михеев осмотрелся. Кабинет маленький, недавно отремонтированный, но уже нестерпимо скучный, как все казенные места. Олег Николаевич давно уже привык к офисам с евроремонтом, с современной стильной мебелью. Оказавшись здесь, он словно бы перенесся лет на двадцать назад. Уже начало забываться, что бывают такие убогие письменные столы и громоздкие железные сейфы.

– Вот о чем я должен вас допросить, – начал Кириллов. – К нам поступила информация о том, что в 2002 году из ЗАО «Росинвест» было незаконно выведено активов на общую сумму в три миллиона восемьсот тысяч рублей, что подпадает под действие статьи сто пятьдесят девятой, часть четвертая, Уголовного кодекса. Мошенничество в особо крупных размерах. От пяти до десяти лет.

– Информация от кого? – перебил Михеев.

– Анонимная.

– Разве анонимки рассматриваются?

– Не принято. Но когда в них содержатся факты, делаем исключение. А этот аноним очень хорошо информирован. Генеральным директором ЗАО «Росинвест» в том году был господин Гольцов, он погиб. А вы исполняли обязанности финансового директора. Что вы можете рассказать следствию об этом преступлении?

– Уголовное дело возбуждено?

– Нет. Доследственная проверка.

– Разве такими делами занимается СКП, а не милиция? УБЭП или кто там еще?

– Кому поручили, тот и занимается. У нас приказы не обсуждают. Я слушаю.

Михеев безучастно пожал плечами.

– Даже не знаю, что сказать. Через меня проходили десятки операций. Не помню, чтобы у нас увели три миллиона.

– Три миллиона восемьсот тысяч рублей, – уточнил следователь. – Что по тогдашнему курсу составляло сто тридцать пять тысяч семьсот четырнадцать долларов.

Кириллов извлек из сейфа тоненькую папку.

– Посмотрите эти документы. Может быть, вспомните.

В папке было всего несколько ксерокопий – платежные поручения, банковские чеки на снятие налички, доверенность курьера на получение денег. Михееву понадобилось приложить огромные усилия, чтобы остаться спокойным и даже слегка равнодушным.

– Это ваша подпись на платежках? – тем же скучным казенным голосом спросил Кириллов.

– Нет, не моя, – твердо ответил Михеев. – Подпись подделана.

– А на доверенности курьера?

– Тоже не моя.

– Что ж, попробуем найти курьера. Кому-то же он отвез бабки. Тогда и узнаем, кто увел у вас три миллиона восемьсот тысяч рублей. Да так ловко, что вы даже не заметили. Посидите, я запишу ваши показания.

Следователь набрал на компьютере несколько фраз, вывел текст на принтер и положил листок перед Михеевым. «По существу заданных мне вопросов поясняю следующее. В связи с тем, что через меня в 2002 году проходило очень много финансовых операций, по прошествии стольких лет никаких подробностей дела я припомнить не могу. Предъявленных мне платежных документов я не подписывал. С моих слов записано верно, мною прочитано».

Михеев расписался. Кириллов вложил протокол в папку, убрал ее в сейф.

– Давайте отмечу пропуск. Спасибо, господин Михеев, за содействие. Я, пожалуй, вас провожу, а то заблудитесь в наших коридорах.

Когда вышли к стоянке служебных машин, на которой под солнцем сверкал черным лаком «мерседес» Михеева, Кириллов сказал:

– Ну вот, теперь можно поговорить.

– Слушают? – посочувствовал Олег Николаевич.

– Не исключено.

– Кто?

– Да кто? Собственная безопасность. Шизанулись с этой коррупцией, скоро в сортире видеокамеры поставят. А теперь скажи мне, Олег Николаевич, без протокола. Ты в самом деле об этом деле ни слухом, ни духом? Никаких подозрений?

– Без протокола скажу, – помедлив, решился Михеев. – Есть подозрения.

– Кто?

– Гольцов.

– Гольцов увел у самого себя бабки? – не поверил Кириллов. – Он же был хозяином фирмы. Смысл? Уйти от налогов?

Михеев усмехнулся.

– Налогов мы платили миллионы. С этих трех – мелочь, не о чем говорить.

– Тогда не понимаю.

– Его даже я не всегда понимал. Такой человек. Не знаю, для чего ему понадобились эти бабки. Но для чего-то понадобились. Плохо, Саша, если дело всплывет. Ему-то всё равно, а нам не всё равно. Репутация фирмы. Какой срок давности по этой статье?

– Десять лет.

– Значит, остался всего год?

– Год и четыре месяца, – поправил следователь.

– Можно потянуть?

– Всё можно. Кроме того, что нельзя. Но и это можно, только другая цена.

– Сколько? – прямо спросил Олег Николаевич. – И не говори, что не понимаешь, о чем я.

– Три миллиона восемьсот тысяч.

– Сколько?!

– Репутация фирмы того не стоит? Подумай, я не спешу. Только учти: завтра будет дороже. Сам понимаешь, инфляция. Будь здоров, Олег Николаевич, рад был тебя повидать.

Следователь небрежно пожал Михееву руку, оценивающим взглядом скользнул по «мерседесу» и скрылся в подъезде СКП. «Ну, студент! – злобно, но и не без некоторого уважения подумал Олег Николаевич. – Ай да студент! Своего не упустит!» Но он был доволен тем, как повернулся допрос. И только вечером до него дошло, что он предал Георгия Гольцова еще раз. Но тут же привычно успокоил себя: мне жить, а ему уже всё равно.

III

В памяти каждого человека с годами копятся воспоминания о самых стыдных эпизодах его жизни. Мелкие подлости в детстве, трусость в юности, выплывшее на люди вранье, предательства случайные или совершенные сознательно, по малодушию или вынужденно. В бессонницу (или с похмелья) поступки благородные почему-то помнятся мимолетно, а эти намертво оседают в памяти, как соли тяжелых металлов в костях.

К неполным пятидесяти годам у Олега Николаевича накопилось немало такого, о чем он запрещал себе вспоминать. И не вспоминал, оправдывая себя тем, что так сложились обстоятельства. Но историю о том, как он увел из фирмы друга три миллиона восемьсот тысяч рублей, никакими обстоятельствами было не объяснить, только собственной глупостью. И вот за эту глупость ему бывало мучительно стыдно. Когда она вспоминалась. Или когда, как сейчас, о ней напоминали.

Произошло это летом 1998 года, когда страна начала наконец-то оправляться от разрухи начала 90-х. Подмосковные поселки прирастали новыми постройками, сначала из силикатного кирпича, а потом и особняками с каменными заборами и черепичными крышами. Барахолки ломались от всяческого самострока, газеты пестрели объявлениями о всевозможных услугах – от изучения языков до ремонта квартир, купирования собачьих ушей и быстрой очистки дачной канализации. Крым наводнили отдыхающие из России, снять жилье было большой проблемой.

Тот год для «Росинвеста» был очень успешным. Самыми прибыльными были вложения в ГКО, государственные краткосрочные обязательства. Георгий приостановил все проекты, перевел освободившиеся средства в кэш и вбухивал их в ГКО с размахом, который осторожного Михеева поначалу пугал. Но всё получалось, ГКО давали до 240 и даже до 400 процентов годовых, это было похоже на чудо. Олег Николаевич и сам втянулся в эту азартную игру. И был очень недоволен, когда Гольцов вдруг приказал сбросить все бумаги. «Росинвест» от ГКО освободился, а Михеев свои бумаги придержал. Через два месяца грянул черный август 98-го. Дефолт. ГКО превратились в резаную бумагу. Михеев волосы на себе рвал, клял себя последними словами. Знал же, что Георгий никогда ничего не делает просто так. Неважно, почувствовал он ситуацию или ему слил инсайдерскую информацию кто-то из друзей в правительстве или в Минфине. Важен результат. А результат такой: Гольцов наварил на ГКО четыреста тридцать миллионов долларов и успел переправить их в оффшор на Кипре, а у Михеева безнадежно зависли даже те деньги, которые он отложил на жизнь. Едва стало известно о дефолте, он кинулся в банк, но еще издали понял, что опоздал. Офис осаждала огромная толпа, а объявление на дверях сообщало, что банк закрыт по техническим причинам. То же творилось по всей Москве.

Но даже не это было самое страшное. В ГКО Олег Николаевич вложил не только свои, но и заемные деньги – кредит в три миллиона рублей, взятый в коммерческом банке под 20 процентов годовых. Банк принадлежал ингушам. Они не торопили, давали отсрочки, но через четыре года их терпение кончилось. К Михееву пришли вежливые молодые люди, осмотрели его квартиру в сталинском доме на Ленинградском проспекте и сказали, что они согласны

получить квартиру в счет долга. Долг уже составлял три миллиона восемьсот тысяч, а квартира стоила больше десяти миллионов. Михеев запаниковал. Впасть в беспробудную, стать бомжом – нет, этого нельзя было допустить. Он выпросил еще одну небольшую отсрочку, перевел на счет фирмы-однодневки три миллиона восемьсот тысяч по липовому договору о поставке оргтехники, обналчил деньги и вернул ингушам. Он понимал, что афера может легко вскрыться, но рассчитывал на то, что эта операция не привлечет внимания Георгия. Гольцов во всем ему доверял, а в оборотах «Росинвеста» это была капля в море.

Некоторое время Олег Николаевич напрягался, когда видел Георгия. Потом понял: сошло и вздохнул с облегчением. Не сошло. Однажды Гольцов завел его в комнату отдыха, в ту самую, где Михеев разговаривал с камнерезом, запер дверь и бросил на стол несколько документов – тех, что были в папке у следователя Кириллова. Только не ксерокопии, а оригиналы.

– Что скажешь? Я жду.

Такого обжигающего стыда Олег Николаевич не испытывал никогда в жизни. Он честно рассказал всё. Георгий долго молчал, потом сказал:

– Забудь.

Никакой огласки эта история не получила, они продолжали вместе работать, как ни в чем не бывало. Но Михееву показалось, что в их отношениях начал проскальзывать холодок. Он знал, чем это может кончиться, и понял, что нужно принимать меры...

Время лечит. Язва на совести Михеева затянулась. Допрос Кириллова будто содрал с нее заскорузлый бинт, а разговор с сумасшедшим камнерезом заставил поставить эти два разных события в один ряд.

«Голуаз»...

«Курит, как зэк...»

И он наконец-то понял, что связывает эти события: платежки и доверенность курьера.

О них не знал никто.

Знал только один человек: Георгий Гольцов.

В эту ночь Олег Николаевич долго не мог заснуть. Не давала покоя ноющая, как зубная боль, мысль: почему же так получилось, что даже сейчас, через год после гибели Георгия, он постоянно чувствует его присутствие в своей жизни?

IV

Многие бытовые мелочи, из которых состоит жизнь любого человека, так и остаются мелочами, бесследно уносятся временем, как половодье уносит скопившийся за зиму мусор. Но иногда то, что казалось мелочью, встраивается в ряд последующих событий и обретает значение, какого раньше невозможно было предугадать. Точно так же тысячи случайных знакомств так и остаются зернами, упавшими на асфальт, и лишь очень немногие, как попавшее в трещину семечко, прорастают в будущее неукротимым побегом дикой малины.

Таким семечком стала встреча Олега Николаевича с Георгием Гольцовым. Её могло не произойти, и тогда их жизни пошли бы каждая по своей колее. Но она случилась.

Оба учились в МИСИ, инженерно-строительном институте имени Куйбышева, позже ставшим университетом и потерявшим по дороге имя. Олег на экономическом факультете, Георгий на гидротехническом, только он поступил на год раньше. Институт был огромный, с учебными корпусами на Ярославском шоссе, тысяч на пятнадцать студентов, в нем можно было проучиться все пять лет и ни разу не встретиться.

Олег познакомился с Георгием после третьего курса на гремевшем тогда БАМе, в студенческом строительном отряде МИСИ. Ни в какой стройотряд он ехать не собирался. Полгода назад он женился на москвичке, однокурснице Раисе. Девушка была крупная, не красотка, но всё при ней, характера энергичного и резковатого оттого что она уже давно тяготилась своей невинностью. Решающим для Олега было не то, что она москвичка, московская прописка была ему ни к чему, он и сам был из семьи коренных москвичей. Мать преподавала литературу в школе, отец работал редактором в издательстве «Советская Россия». Жили втроем в двухкомнатной кооперативной квартире на Автозаводской. В детстве никаких неудобств от этого Олег не ощущал, со временем стала раздражать напряженность, которая всегда возникает, когда в двух смежных комнатах живут трое взрослых людей с разными характерами и привычками. Отец иногда писал и публиковал в сборниках статьи о разлагающем советское общество вещизме, мать находила их совершенными по форме и глубокими по содержанию. Олега это бесило. Какой к черту вещизм? Жалкая мебель из ДСП, денег едва хватает от полочки до полочки, а туда же – вещизм! В такие минуты он готов был обратиться из дома куда глаза глядят. Но куда уберешься? Приходилось терпеть.

И тут возникла Раиса. У неё была своя комната в четырехкомнатной квартире на Ленинградском проспекте, в которую никто не входил без стука. Она даже не запирала её, когда приходил Олег, что его слегка напрягало. Но гораздо важнее было другое: Раиса была единственной дочерью профсоюзного деятеля союзного уровня, что-то вроде зампреда ВЦСПС. Это была совсем другая жизнь, безбедная, с домработницей, продуктовые заказы привозил шофер отца из распределителя на улице Грановского. Олег понял, что другого такого случая может не быть, и сделал Раисе предложение.

Он рассчитывал, что тесть устроит молодоженам путевку куда-нибудь в Крым. Но вышло иначе. Однажды тесть призвал его в свой солидный домашний кабинет, с антикварным секретером и картинами на стенах, пейзажами старых русских художников, усадил на павловское канапе и обрисовал его перспективы:

– Парень ты обстоятельный, но цена твоя сейчас – нуль. Через два года получишь диплом. Кем ты будешь? Никем. Распределят в какой-нибудь Мухосранск, этого хочешь?

Нет, этого Олег не хотел.

– Время еще есть, нужно использовать его с толком, – продолжал тесть. – Главное – вступить в партию. А для этого нужно себя проявить. Вот в стройотряде и прояви.

– Как? Совершить трудовой подвиг?

– А вот смехуёчков не надо! Я тебе дело говорю. Добровольно поехал на БАМ, на всесоюзную ударную комсомольскую стройку. Значит, что? Общественно активен. Понял? В остальном помогу.

Так и оказался Олег вместо Крыма в притрассовом поселке Могот на Центральном участке БАМа, километрах в тридцати от Тынды. Стройотряд был большой, человек двести. Жили в армейских палатках, строили сборно-щитовые дома. Вкалывали по двенадцать часов. Но поначалу больше изматывала не работа, а бесконечные простои. То вообще нет щитов, то некомплект. От безделья ребята посылали гонцов в Тынду за портвейном «Агдам». В Могот спиртного не завозили, а в Тынде было. Олегу это осточертело. Не то чтобы он был таким уж моралистом, но по пьянке чего не бывает. Подерутся с местными. Или свалится кто с лесов и сломает шею. И доказывай потом, что ты ни при чем. Это вместо трудового подвига. Однажды он отловил командира отряда и высказал всё, что думает о порядках на стройке. Командиром был Гольцов, высокий худой парень с некрасивым живым лицом. Он ездил со стройотрядами с первого курса и считался умелым организатором. Выслушав Олега, сочувственно покивал:

– Ах как я тебя понимаю! А теперь так: берешь человек двадцать и дуешь на разъезд. Там состав со щитами. Разгружаешь, везешь к себе, вот вам и фронт работ.

– Почему я? – возмутился Олег.

– А кто – я? Кому щиты нужны, мне? Запомни, чувак: инициатива наказуема. Сам предложил – сам сделал. Всё понял?

Гольцов обаятельно улыбнулся и убежал по своим командирским делам, сразу забыв про Олега. Но не забыл. Недели через три назначил его своим заместителем по материально-техническому снабжению. Объяснил:

– Гвозди забивать все умеют. Организовать дело не все. У тебя получается. Ну так и действуй!

За два месяца заработали по три тысячи рублей. По тем временам, когда стипендия была сорок рублей, а двести рублей считались приличной зарплатой, деньги немалые. Не без гордости Олег выложил перед тестем пачку сторублевок и почетную грамоту Амурского обкома комсомола. На деньги тесть глянул равнодушно, а грамоту внимательно прочитал и одобрил:

– То, что надо.

С деньгами же поступил так: добавил свои три тысячи, и через месяц Олег стал обладателем белых, как холодильник, «Жигулей» ВАЗ-2104, выделенных из резервного фонда ВЦСПС. От благодарностей Олега тесть отмахнулся:

– Не о чем говорить. Только вот что: блядей не катать. Раиса узнает, шкуру спустит. И я её пойму.

Почетную грамоту никому предъявлять не пришлось, но в рекомендациях, которые дали Олегу тесть и председатель профкома института, она была упомянута и благожелательно воспринята парткомом и райкомом. Олег стал кандидатом в члены КПСС и закончил институт членом партии. Распределился в экономический департамент Минпромстроя РСФСР, через три года стал начальником отдела. Карьера шла не слишком быстрая, но уверенная, что соответствовало характеру Михеева. Но в 1990 году тесть предложил ему подать документы на конкурс на замещение должности начальника экономического управления Минпромстроя СССР. Олег засомневался:

– Да кому я там нужен?

– Делай что говорю, – прикрикнул тесть.

Он уже работал на Старой площади в Управлении делами ЦК КПСС, возможности у него были большие. Олег рискнул. Подал документы на конкурс втайне от сослуживцев. С расчетом на то, что если его завернут, никто в министерстве ничего не узнает. Рассматривали документы долго, только через полгода вопрос решился. Олега телефонограммой вызвали в союзное министерство, в тот же день замминистра представил коллективу нового руководителя. Олег даже не сразу поверил. Стать в двадцать восемь лет начальником управления в союзном министерстве – да ладно, так не бывает. Оказывается, бывает. Оказывается, горбачевская перестройка и свежий ветер, о котором вдохновенно распевал Лев Лещенко, не пустые слова.

В российском Минпромстрое сенсационную новость о взлете карьеры Михеева встретили с кислыми физиономиями. Не то чтобы Олега это обидело, но все же неприятно царапнуло. Он отменил прощальный ужин, который хотел устроить в ресторане «Прага», перебрался в новый кабинет и о прежних сослуживцах сразу забыл. Жизнь пошла по новой колее, как поезд, который перевели на главный путь. Раиса родила дочь, потом вторую, переключила с мужа на них свою энергию, чему Олег был очень рад, хоть и не показывал виду. Всё устраивалось как нельзя лучше...

Не спалось. За окнами затих Ленинградский проспект, лишь помигивала разноцветная реклама казино, да изредка верещала охранная сигнализация припаркованных у дома машин. Осторожно, чтобы не разбудить Раису, Олег Николаевич сполз с кровати и как был, в пижаме, прошел в кабинет. Не включая света, извлек из бара первую попавшуюся под руки бутылку. У окна разглядел: односолодовое шотландское виски «Speyburn». Сойдет. Накатил сто пятьдесят,

заяхнул рукавом пижамы. Как камнерез. Опустился в скрипнувшее под его тяжестью кресло в ожидании, когда наступит расслабление.

Как камнерез. Черт бы побрал этого психа!..

После БАМа Олег случайно столкнулся с Гольцовым месяца через два возле общежития МИСИ на Спартаковской, куда подвез из института симпатичную первокурсницу. Георгий восхитился «Жигулями», особенно почему-то вместительностью багажника, озабоченно спросил:

– Не выручишь? Я тут кое-что прикупил своим, а как отвезти, не знаю. Тачку брать дорого, а на электричке не дотащишь.

– Нет проблем, – добродушно отозвался Олег, довольный тем, что может оказать товарищу услугу, которая ему самому ничего не стоила. Как всякий новоявленный автовладелец, он пользовался любым поводом, чтобы покататься на машине – по делу и не по делу. – Куда ехать?

– Не так далеко, в Калинин, всего километров двести.

Олег охнул, но давать задний ход было поздно. Пока Георгий таскал из общаги то, что он прикупил своим, стало понятно, почему его восхитил багажник «четверки». Машина просела под грузом ящиков со сгущенкой и китайской тушенкой «Великая стена», мешками гречки и сахара, макаронами в картонных коробках.

– У них там что – голодный край? – удивился Олег.

– Не совсем голодный, но и не очень-то сытый, – ответил Георгий, озабоченно переключая выключатель.

Стояла глубокая осень, за окнами машины струились серые поля, пролетали деревни в тяжелых рябинах. Поначалу Олег злился на себя, но понемногу отошел, оживленно разговаривал с Георгием на тему «этим летом на БАМе», у них уже было общее прошлое.

Дом, к которому они подъехали, стоял в пригороде Калинина, на берегу Тверцы, двухэтажный, деревянный, с множеством хозяйственных пристроек, обнесенный старым забором. Во дворе машину сразу окружила малышня в одинаковых серых курточках. Георгий вскрыл один из картонных ящиков и одарил всех печеньем «Октябрьское». Ребята постарше быстро разгрузили багажник, Георгий о чем-то поговорил с маленьким пожилым человеком с институтским ромбом на лацкане пиджака, обнял его и вернулся в машину.

– Всё, можно ехать. Спасибо, ты меня очень выручил.

– Это детдом? – спросил Олег.

– Да.

– Но ты сказал, что кое-что прикупил своим.

– Это и есть мои...

После этой поездки они стали встречаться чаще. Олег приезжал в общагу на Спартаковской отдохнуть от суровых порядков семьи, где тон задавала теща, поиграть в преферанс, выпить и потрепаться с ребятами. В комнату Георгия всегда набивалось человек по десять, азартно спорили о политике, пели под гитару. На гитаре Георгий играл мастерски. В преферанс тоже мастерски, азартно и в то же время расчетливо, никогда не проигрывал. Он вообще не проигрывал. Пока ему не изменила удача.

После института их пути разошлись. Гольцов распределился куда-то на Урал. Несколько лет о нем ничего не было слышно, потом кто-то рассказал, что Георгий в Венесуэле, строит какую-то гидроэлектростанцию. Олег удивился: каким ветром его занесло в Венесуэлу? Потом понял: знак новых времен. Если сам он в двадцать восемь лет стал начальником управления в союзном министерстве, почему молодой русский инженер не может работать в Венесуэле? Менялись времена, менялись...

Странное какое-то виски. Не берет. Нужно добавить.

За тем, что в те годы происходило в стране, Олег следил с интересом, но как бы отстраненно – так болельщик следит по телевизору за футбольным чемпионатом. На его жизнь ничего не влияло: ни горбачевская антиалкогольная компания, ни яростная борьба народных избранников за отмену 6-й статьи Конституции о руководящей роли КПСС, ни ощутимый даже в Москве дефицит продуктов. Зарплаты хватало, продукты по-прежнему привозил шофер тестя, а водки и коньяков было всегда полно в его домашнем баре. Только вот тесть с каждым днем становился всё более хмурым и раздражительным. Но Олег научился слушать его с внимательным и сочувствующим видом, а все его слова пропускал мимо ушей. Даже ГКЧП воспринял как неожиданное развлечение.

К вечеру 19-го августа он из любопытства он подъехал на Краснопресненскую набережную. Машину оставил возле гостиницы «Украина», вместе с толпой прошел к Белому дому. На улице стояла колонна танков, но вид у них был не устрашающий, а довольно мирный. Экипажи сидели на броне, покуривали, пересмеивались с москвичами. В дулах танков торчали какие-то красноватые цветки, везде одинаковые. «Девушки подарили?» – спросил Олег у танкиста. «Какие там девушки, – ухмыльнулся тот. – Старшина!»

Возле Белого дома бурлила толпа, происходила какая-то жизнь. Куда-то тащили арматуру и бетонные столбы, катили огромные деревянные бобины из-под кабеля – строили баррикады. Но по большей части кучковались возле тех, у кого были транзисторы, напряженно слушали радио «Свобода». По радио передавали, что Горбачев в Форосе. В толпе появлялись какие-то озабоченные люди, военные и штатские, на ходу отдавали приказания. Олег узнал среди них вице-президента Руцкого, примелькавшихся по телевизору депутатов. Покрутившись возле Белого дома часа полтора и подкатив к баррикаде бобину, с трудом пристроившись к облепившим ее энтузиастам, Олег решил, что остальное лучше смотреть дома по телевизору и начал выбираться наружу. И тут на него наскочил какой-то человек в камуфляже без знаков различия, весело приветствовал и сразу спросил:

– Ты на машине?

Это был Гольцов. Олег даже не сразу его узнал – из-за камуфляжа и сильно загорелого лица.

– Да, а что? Ты как здесь? Я слышал, ты в Венесуэле.

– Проехали. Дуй в ресторан «Загородный», заberi всё, что они наготовили, и вези сюда. Скажи – от меня, они знают.

После «Загородного» пришлось смотаться на базу райпищеторга в Филях, потом в типографию за тиражом экстренного выпуска демократических газет. Несколько раз «Жигули» Олега останавливали военные патрули. Услышав фамилию Гольцова, пропускали.

Стемнело, начал накрапывать дождь. Толпа у Белого дома не уменьшилась, но будто помолодела. Жгли костры, пели под гитару. По «Свободе» передавали тревожные сообщения, но на площади никакого напряжения не ощущалось. Совсем другая атмосфера было внутри Белого дома, куда Олега провел Георгий. Трезвонили телефоны, хрипели милицейские рации, по коридорам быстро проходили хмурые люди. Гольцова знали. Он с кем-то знакомил Олега, представляя: «Мой друг». Фамилии этих людей ничего не говорили Олегу, он сразу их забывал. И только позже узнавал по телевизору: рыжий Чубайс, пухлый Гайдар, худосочный, словно бы чахоточный Хасбулатов. На лестничной площадке, куда Георгий вышел покурить, они неожиданно столкнулись с группой людей, спускавшейся вниз. Впереди шел Ельцин – обрюзгший, с растрепанной прической. Георгий посторонился, почтительно поздоровался. Ельцин приостановился, хмуро взгляделся.

– А, гидротехник! Как же, помню.

Пожал Георгию руку и проследовал дальше.

– Откуда он тебя знает? – спросил Олег.

– Пересекались. Давно, когда я Нижне-Кутскую ГЭС строил. Чуть под суд меня не упёк.

– За что?

– Да было дело. Надо же, запомнил. Вот что значит бывший прораб! Всех помнит!

Лицо Георгия оживила улыбка, как бы даже растроганная.

Тревожная ночь в Белом доме сообщила Олегу чувство причастности к дальнейшим событиям. За ними он следил по телевизору. Втайне от тестя радовался триумфу Ельцина, ликовал вместе со стотысячной толпой на площади Свободной России, даже не подозревая, как эти события отразятся на его жизни.

6 ноября 1991 года указом президента Ельцина деятельность КПСС была запрещена, ее организационная структура распущена. Тестя свалил тяжелый инсульт.

8 декабря 1991 года президенты России, Украины и Белоруссии подписали Беловежское соглашение, денонсирующее договор 1922 года о создании Союза Советских Социалистических Республик. СССР перестал существовать. Все союзные министерства закрылись. В их числе и Минпромстрой СССР.

Удар был страшный. В одночасье Олег оказался безработным с парализованным тестем в инвалидной коляске, с двумя дочерьми и неработающей женой на руках, с умеющей только командовать тещей. Он растерялся. От растерянности сунулся в Минпромстрой РСФСР, хотя заранее знал, как его там встретят. Так и встретили – злорадными ухмылками. В кадрах заварили, что специалист с таким опытом руководящей работы им нужен, но вакансий пока нет. Либерализация цен обнулила все немалые семейные сбережения. Из дома быстро исчезли ценные вещи – ковры, дубленки Раисы, картины и антиквариат из кабинета тестя. Как жить?

По вечерам Олег садился в «четверку» и всю ночь колесил по Москве, подбирая припозднившихся москвичей и загулявших гостей столицы. Получалось плохо, торговаться он не умел, солидные с виду клиенты уходили проходными дворами, пьяные засыпали в машине и не понимали, чего от них хочет водила. Приходилось выбрасывать их из салона и уезжать, злобно матерясь.

Воспоминания о том жутком периоде жизни намертво врезались в его память. Как человек, которому пришлось поголодать, с особенной бережливостью относится к хлебу, так и Олег стал относиться к деньгам. Деньги были единственной защитой от превратностей жизни. Чем их больше, тем защита надежней. Он и раньше не любил сорить деньгами, теперь бережливость превратилась в скупость. Человек, у которого нет денег, как голый на осеннем ветру. Он никогда не забывал того, что тогда чувствовал. Не вспоминал, но и не забывал.

В то тяжелое время у него даже мысли не появилось позвонить кому-нибудь с просьбой о помощи. Кому? Все его знакомые оказались, как и он, выброшены на обочину жизни. А те, кто сумел пристроиться на хорошее место в кооперативе или СП, были вовсе не склонны к благотворительности. Какой им смысл кому-то помогать, тратить попусту свои возможности? Олег их понимал, он и сам бы не стал.

Ни разу не возникло у него желания позвонить и Гольцову. Ну да, вроде бы друг. Но что такое дружба? Такая же эфемерность, как любовь. Но любовь хотя бы подразумевает некие физические действия, нечто вполне материальное. А дружба?

Георгий позвонил сам:

– Чем занимаешься?

– Бизнесом, – буркнул Олег. – Собираю по помойкам бутылки. Прибыльное, оказывается, дело!

– Так, понял. Сейчас подъеду, никуда не уходи.

Прикатил на длинном белом «линкольне», в прекрасном костюме. Окинув быстрым взглядом кабинет с голыми стенами, с тусклым паркетом вместо ковра, с пустыми углами, разозлился:

- Жопа! Почему сразу не позвонил?
- Объяснений Олега не дослушал:
- Хватит, этот поезд ушел. Ты мне нужен. Есть интересное дело.
- Какое?
- Гуано.
- То есть? – не понял Олег. – Это же...
- Ну да, птичье говно...

Только на рассвете Олегу Николаевичу удалось забыться тяжелым сном. Тут же, в кабинете, на широком кожаном диване, давно сменившем антикварное канапе. Проснувшись от гула Ленинградского проспекта, с удивлением посмотрел на бутылку виски. Пустая. А вчера была полная. Это он, что ли, её приговорил? Выходит, он, а кто же еще? В ванной долго разглядывал себя в зеркало. Обвисшие, как у бульдога, щеки, мешки под глазами, жиденькие волосики на голове. «Что-то наполеоновское», – вспомнились слова камнереза. Хмуро усмехнулся. Да уж, наполеоновское. Только вряд ли Наполеона после Аустерлица. Скорее – после Ватерлоо или на острове Святой Елены.

Заглянула Раиса:

- Третий раз звонят с работы. Спрашивают, ты будешь? Что сказать?
- Буду. Вызови машину.
- Я тебе не секретарша.
- А кто ты мне?
- Михеев, ты хам! – равнодушно отреагировала Раиса.

В офисе Олег Николаевич вызвал Марину Евгеньевну:

– Позвоните Панкратову. Панкратов Михаил Юрьевич. Скажите, что мне нужно его увидеть. Пусть назначит удобное для него время.

Глава вторая ПОСРЕДНИК

I

Отношения власти и бизнеса были напряженными везде и во все времена. На Западе веками совершенствовалась система взаимодействия между ними – адвокатура, арбитраж, суды. В СССР их роль выполняли партийные комитеты всех уровней, от райкомов до ЦК КПСС, мелкие трения между предприятиями устраняли тысячи толкачей, вооруженных коробками конфет и духами «Красная Москва» для секретарш местных начальников и коньяками «Двин» и «КВВК» для самих начальников. События 1991 года, которые позже стали называть демократической революцией, не только разрушили все хозяйственные связи, но и уничтожили этот незаметно встроенный в систему механизм.

Российское государство и российский бизнес были изначально обречены на немирное существование, потому что бизнес был молодой, дикий, не признающий никаких самоограничений, а государство за семьдесят советских лет так привыкло к всевластию, что органически не могло идти ни на какие компромиссы с бизнесом. В этих условиях неизбежно должны были появиться люди, которые взяли бы на себя функции посредников между властью и бизнесом, помогали бы им сосуществовать без кризисов.

В начале 90-х годов эту нишу занял криминал. Организованные преступные группировки не только крышевали магазины и своими методами разрешали противоречия между бизнесменами, но и пытались наладить их взаимодействие с властями. Но серьезные предприниматели быстро поняли, что эта помощь может обернуться потерей всего бизнеса, и сами начали искать выходы во властные структуры – в милицию, в налоговые инспекции, в губернаторские администрации и даже в Кремль. Дело это очень трудозатратное, гораздо удобнее знать человека, у кого эти связи уже налажены и к кому можно обратиться, когда возникнет необходимость.

Таким человеком и был Михаил Юрьевич Панкратов.

Среднего роста, плотного телосложения, с очень коротким седым ежиком на крупной голове, с припухшими веками, придававшими его лицу слегка сонный вид, он имел вид муниципального чиновника, привыкшего иметь дело с бумагами. Да так оно и было, чего-чего, а бумаг через его руки прошли многие тысячи.

Иногда, оглядываясь на прожитую жизнь, он поражался тому, какими непредсказуемыми зигзагами она изобиловала. Выпускник юридического факультета МГУ, он совершенно неожиданно для себя стал следователем Управления по борьбе с особо опасными хищениями социалистической собственности КГБ, дослужился там до полковника. После 91-го года КГБ расформировали, вывели из него погранвойска, Службу внешней разведки, правительственную связь ФАПСИ и Службу охраны. Некогда всемогущий Комитет государственной безопасности превратился в Федеральную службу контрразведки, а Управление съезжилось до размеров отдела экономической безопасности. Тогдашнее руководство ФСК больше всего было озабочено тем, чтобы не испортить отношений с Кремлем, вмешивалось в ход расследований, выводя из дела крупные фигуры, связанные с властью. Это не нравилось Панкратову, привыкшему все дела расследовать обстоятельно и до конца. Напряженность нарастала, кончилось тем, что во время очередной реорганизации Панкратова вывели за штат. Не успел он подумать, чем дальше жить, как получил предложение поработать для ассоциации «Русалко», объединявшей водкозаводчиков московского региона. Позже возглавил службу безопасности «Русалко», а когда она прекратила свое существование, стал советником по безопасности Национальной алкогольной ассоциации. Про то, что он полковник, Панкратов и думать забыл и очень удивился, когда однажды получил из кадров ФСБ предписание явиться для оформления отставки и пенсии.

Он не сразу определил свое положение в социальном устройстве постсоветской России, взбаламученной, как после землетрясения, перепутавшего все привычные роли. Учителя торговали в палатках, инженеры шли в челноки, писатели в политику, младшие научные сотрудники становились банкирами и владельцами огромных заводов. Постепенно приходило понимание, что само время вызовет к жизни людей, которые играли бы в громоздком государственном механизме ту же роль, какую играет смазка в работе двигателя.

В такой роли неожиданно для себя оказался Панкратов. Осознав это, он словно бы нащупал под ногами твердую почву. Это сообщило ему чувство своей не то чтобы значимости, но необходимости в новом устройстве России, и позволило избавиться от состояния неопределенности, в каком он долго себя ощущал.

За годы работы он приобрел огромный опыт, обзавелся обширным кругом знакомств. К нему часто обращались за советом не только водкозаводчики, попавшие в трудное положение, но и предприниматели, не связанные с алкогольным бизнесом. У него была репутация человека, который не берется за сомнительные дела, но если за что-то берется, доводит дело до конца. Дела были самые разные: разрулить противоречиво сложившуюся ситуацию, найти устраивающий всех выход из конфликта интересов, проверить подноготную предполагаемого делового партнера.

Звонок из ЗАО «Росинвест» с просьбой генерального директора Михеева о встрече его не удивил, хотя ни ЗАО «Росинвест», ни фамилия Михеев ничего ему не говорили. Нередко бывало, что на него выходили через знакомых.

Накануне того дня, на который была назначена встреча, набрал в Гугле: «Росинвест, Михеев». Высыпала целая куча ссылок на разные «Росинвесты», еще больше на «Михеев». Но совместились только один раз, на сайте Московской регистрационной палаты. ЗАО «Росинвест»: зарегистрировано в 1992 году как совместное предприятие с немецкой торговой фирмой «Blumengarten» под первоначальным названием «Росарт», производственная и торгово-закупочная деятельность. «Blumengarten – цветник», – вспомнил Панкратов основательно подзабытый немецкий. Что такое «Росарт», не понял. С 1996 года существует под названием «Росинвест». Генеральный директор Михеев О.Н. Адрес, контактный телефон. И всё.

Такая скудость информации могла свидетельствовать о двух вещах: либо это ЗАО небольшое и по этой причине не объявляющее о себе в Интернете, либо оно не хочет привлекать к себе внимания. Попросту говоря – не хочет светиться. Разумно, отметил Панкратов, не те времена, чтобы выставлять напоказ свое процветание, можно запросто привлечь внимание рейдеров.

«Росинвест» занимал небольшой трехэтажный особняк в глубине кривых лубянских переулков с такими пробками, что Панкратов на своем «фольксвагене» пробивался по ним больше времени, чем ехал от своего дома на Бульварном кольце. Погода вконец испортилась, лепил мокрый снег, дворники работали без остановки. Въезд во дворик особняка преграждал шлагбаум. Охранник вежливо спросил, к кому приехал посетитель. Услышал фамилию Михеева, что-то сказал в рацию, услышал ответ и поднял шлагбаум. Во дворе стояло с десятков иномарок и черный шестисотый «мерседес». В особняк вели мраморные ступени, вахта была, как рецепшен пятизвездочного отеля. На вахте Панкратова уже ждала сухощавая подтянутая женщина средних лет, ничем не напоминающая надменных, как проститутки, моделей, привычных в офисах новых русских. Панкратов невольно зауважал неведомого Михеева. Если человек подбирает секретарш по деловым качествам, а не по длине ног и величине бюста, уже одно это говорит в его пользу.

– Михаил Юрьевич? Давайте ваше пальто. Меня зовут Марина Евгеньевна, я секретарь Олега Николаевича. Пойдемте, шеф вас ждет.

– Симпатичный особняк, – заметил Панкратов, поднимаясь за ней на второй этаж и попутно отмечая дорогой евроремонт, тонированные стекла и ковровые дорожки в коридорах – Арендуете или ваш?

– Наш.

Неслабо. Такой особняк стоит не меньше пятнадцати миллионов долларов.

В просторном кабинете из-за массивного письменного стола навстречу Панкратову поднялся грузный человек с несвежим тяжелым лицом и темными мешками под глазами.

– Михеев. Добрый день, Михаил Юрьевич. Спасибо, что откликнулись на мою просьбу...

II

Первое впечатление Олега Николаевича от посетителя, которого ему рекомендовал знакомый водкозаводчик, было не слишком благоприятным. Заурядный серый костюм, черный свитерок под горло, сонное лицо. От кофе отказался, разговор о погоде и жутком московском трафике не поддержал. Опустившись в кресло возле журнального стола, будто бы погрузнел, стал увесистым.

– Ваши координаты мне дал сосед по даче, – начал Михеев, располагаясь в соседнем кресле. – Хозяин научно-производственного объединения «Ермак». Не знаю, какой наукой они занимаются, но водку выпускают хорошую. Знаете его?

– Знаю.

– У нас дачи рядом на Николиной горе. Иногда встречаемся в спортзале, в ресторане «Каток»...

– Олег Николаевич, давайте не будем терять времени, – перебил Панкратов. – Чем занимается «Росинвест»? Я почему спрашиваю. В Интернете информации о вас практически нет.

– Нам не нужна реклама.

– А все-таки?

– Легче сказать, чем мы не занимаемся. Всем, что подворачивается под руку. От нефтепереработки до строительства.

– Цель?

– Даже не знаю, как бы вам объяснить...

– Объясните как сможете.

– Мы покупаем обанкротившиеся предприятия или близкие к банкротству. Инвестируем в них средства, меняем менеджмент, проводим санацию. Потом продаем.

– Понятно. В чем ваша проблема?

Олег Николаевич замялся:

– Не уверен, можно ли это назвать проблемой...

– Можно. Иначе вы бы не обратились ко мне.

– Да, пожалуй, – пришлось согласиться Михееву. – Ладно, слушайте. Только, пожалуйста, не перебивайте. Небольшое предисловие. «Росинвест» существует с 1992 года. Его создал и долгое время руководил им Георгий Гольцов, мой друг еще с институтских времен. Удивительно талантливый предприниматель и что важно – очень удачливый. При нем оборот «Росинвеста» зашкаливал за сто миллионов долларов. Я был у него финансовым директором. В 2004 году его посадили. Статья 198-я, часть четвертая. Говорит вам это что-нибудь?

– Уклонение от уплаты налогов в особом крупном размере.

– Да. Он недоплатил налоги с четырехсот тридцати миллионов долларов, которые заработал на ГКО. Точнее, с двухсот тридцати заплатил, а с двухсот нет.

– ГКО закончились в девяносто восьмом году, – напомнил Панкратов. – Всплыло старое дело? Почему?

– Не знаю. Всплыло и всплыло. Тогда много старых дел всплыло. После ареста Ходорковского. Открылся сезон охоты. Кто не спрятался, я не виноват. Георгий не спрятался. Получил восемь лет. Через четыре года вышел по условно-досрочному. Еще в начале 2004 года, когда на него завели уголовное дело и взяли подписку о невыезде, он передал мне все акции «Росинвеста» в доверительное управление и назначил генеральным директором. Уже знал, что его посадят, хотел сохранить бизнес. Вы ничего не записываете?

– У меня хорошая память. Продолжайте.

– Когда Георгий освободился, я предложил вернуть ему акции и снова стать генеральным директором. Он отказался. Сказал, пусть пока всё так и останется. Не знаю почему. Возможно, боялся нового дела. Так или иначе, но все так и осталось. Я был официальным генеральным директором, а Георгий теньвым. Не скажу, что наше сотрудничество было мирным. За четыре года многое изменилось, Георгий не чувствовал новую ситуацию, жил старыми представлениями...

– А вы уже привыкли к роли главного, – вставил Панкратов.

– Не без этого, – признал Олег Николаевич. – У нас были довольно резкие противоречия, я уступал, хоть фирма теряла большие деньги. 14-го сентября 2008 года он вылетел в Пермь

на «Боинге 737» компании «Аэрофлот-Норд». Самолет разбился. Вы наверняка слышали об этой катастрофе, было по телевизору и во всех газетах.

– Слышал.

– Так и не выяснили почему. То ли пилот был пьяный, то ли экипаж что-то перепутал в приборах. Иностранцы были приборы, непонятные для русского человека. Для всех, кто знал Георгия, это был шок. Его любили. Такой он был человек, к нему никто не относился равнодушно. Или любили, или ненавидели.

– Кто его ненавидел?

– Кто всегда ненавидит ярких успешных людей? Те, кто ни на что не способен. Талантливый человек, если он неудачник, еще может вызвать сочувствие. Если он удачливый и богатый, ненависть ему гарантирована. Я и сам иногда ловил себя на такой мысли. Ну почему одному всего отпущено полной мерой, и везения, и талантов, а ты вынужден довольствоваться жалкими крохами? Что это за высшая несправедливость? Как видите, я трезво оцениваю свои возможности.

– Гольцов был богатым?

– Одно время он входит в число самых богатых людей России. По версии журнала «Финансы». Не в первой десятке, но и не в последней.

– Как после гибели Гольцова изменилась ситуация в «Росинвесте»? Я имею в виду формы собственности.

– Никак. Акции по-прежнему в моем управлении. Это и есть причина, по которой я обратился к вам. Есть подозрения, что Георгий Гольцов не погиб.

– Вот как? – слегка оживился Панкратов. – Как он мог не погибнуть, если самолет разбился? Насколько я знаю, не спасся никто. Пассажиры и экипаж, восемьдесят восемь человек.

– Он не погиб, если не вылетел на этом самолете.

– Но он вылетел?

– По данным аэропорта «Домодедово» – да. Дежурная «Аэрофлот-Норда» опознала его по снимкам. Утверждает, что он зарегистрировал билет и прошел на посадку.

– Не сказал бы, что это свидетельство достоверное. Через нее проходят тысячи пассажиров.

– Но его запомнила. У него не было никакого багажа, даже кейса. И он производил впечатление человека не то чтобы растерянного, но не уверенного, что он делает то, что нужно. Его машина осталась на платной стоянке. Джип «Ниссан Террано», он любил большие машины. Только через месяц нам позвонили и попросили ее забрать.

– Как его опознали?

– Никак. Привезли в закрытом гробу, так и похоронили.

– Генетическая экспертиза?

– О чем вы говорите? Какая к черту генетическая экспертиза? Вы видели место катастрофы? Все вперемешку. Я даже не уверен, что в гробу были останки Георгия. Собрали с земли что было, сунули в цинк и дело с концом.

– Зачем он полетел в Пермь?

– Тоже загадка. Никаких дел в Перми у него не было. А если были, то я о них не знал. После лагеря он вел замкнутый образ жизни. Бывало, что в офисе не появлялся неделями. Это не всё, – продолжал Михеев. – С месяц назад, в годовщину его гибели, мы открыли на Ваганьковском кладбище его надгробье. Автор памятника – камнерез, некто Фрол, там его все знают. Пьянь, но очень талантливый. Позавчера он пришел ко мне и уверял, что разговаривал на могиле Гольцова с живым Гольцовым.

– Вы сами сказали – пьянь. Как ему верить?

– Я поверил. Почти. Он точно его описал. Клялся, что не мог ошибиться, потому что работал над памятником полгода и все время держал его образ в голове.

– Он пришел, чтобы рассказать вам об этом?

– Нет, тема возникла случайно. Он хотел, чтобы я заказал ему собственное надгробье.

– Seriously? – удивился Панкратов. – Вы заказали?

– Я что, сумасшедший?

– Это всё?

– В общем, всё. Остальное мелочи, на уровне предчувствий. Вот, вдова не пришла на открытие памятника. Я сначала решил, что из-за наших отношений, они не были безоблачными. Но потом подумал: а если она знала, что Георгий жив?

– С родителями говорили? Они могли знать. Смерть сына для них удар, он не стал бы подвергать их такому потрясению.

– Он детдомовский. Отец погиб в Новочеркасске в 62-м году, когда расстреляли рабочих. Слышали про это?

– Что-то читал.

– Очень его эта история волновала. Он даже финансировал издание документальной книги про те события. Книга вышла в серии «Русские тайны». Называлась «Огонь на поражение». Не попадалась?

– Нет.

– Тогда Георгию было года два. Мать вскоре умерла, его отдали в детдом под Тверью. Это сейчас Тверь, а в те времена еще был Калинин.

Панкратов поднялся из кресла, сразу как бы потеряв свою грузность, постоял у окна, глядя, как мокрый снег покрывает крыши машин.

– Давайте определимся, – вернувшись к столу, предложил он. – Вы хотите, чтобы я нашел Гольцова, если он жив. Я вас правильно понял?

– Нет, – возразил Олег Николаевич. – Я хочу, чтобы вы установили, жив он или погиб. Абсолютно достоверно. От этого зависит, как мне вести бизнес.

– Если жив – что?

– Ничего. Он сам даст о себе знать.

– Вряд ли я смогу гарантировать абсолютную достоверность, – помедлив, заметил Панкратов.

– Вы сделаете всё, что сможете. Этого достаточно. Мне рекомендовали вас как человека, который умеет работать.

– Не уверен, что мне стоит браться за это дело. Я предпочел бы чего попроще: защита от рейдеров, спор хозяйствующих субъектов. Сколько времени вы мне дадите?

– Сколько понадобится. Я даже не спрашиваю, сколько стоит ваша работа.

– Можете спросить, я не делаю из этого тайны. Восемьсот долларов в день. Плюс накладные расходы.

– Какие?

– Мало ли. Разъезды, гостиницы. Может понадобится наружное наблюдение или прослушка. Всё это не бесплатно. Прослушка только одного номера стоит тысячу долларов в день, наружка сто долларов в час на одного топтуна. А часто нужен не один. И не поторгуешься.

– Согласен, – решительно кивнул Олег Николаевич, достал из настенного сейфа три «котлеты» – десятитысячные пачки долларов в банковской упаковке и положил перед посетителем. – Аванс. Мы договорились?

– Вы умеете убеждать, – усмехнулся Панкратов и спрятал деньги в кейс.

Михеев взял с письменного стола тоненькую папку и протянул Панкратову:

– Здесь снимки Георгия и кое-какие материалы о нем. Что-то вроде объективки. Возможно, они вам помогут.

Попрощавшись с посетителем, посмотрел из окна, как Панкратов неторопливо выходит из офиса и садится в синий «фольксваген-пассат». Он был доволен, что уговорил его взяться

за это дело. И одновременно ощущал некоторую неуверенность, как человек, вступающий на незнакомую землю. Кто его знает, какая гадюка может выползти из-под безобидной коряги!

III

«Гольцов Георгий Андреевич. Родился в 1960 году в г.Новочеркасск Ростовской области. Отец, Гольцов Андрей Григорьевич, 1934 года рождения, фрезеровщик Новочеркасского электровагоностроительного завода, погиб 2 июня 1962 года. Мать, Гольцова Таисия Ивановна, 1938 года рождения, медсестра, умерла в 1964 году. Некоторое время Георгий жил в многодетной семье дяди, родного брата отца, осужденного на 12 лет за участие в массовых беспорядках 1962 года и отбывавшего наказания в «Устимлаге». Материальное положение семьи было очень трудное, в возрасте пяти лет Георгий был помещен в калининский детский дом №24 для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, где прожил до окончания средней школы в 1977 году.

Адрес детского дома: г.Тверь, ул. Речная, 2.

1977 – 1982 – учеба в Московском инженерно-строительном институте им. Куйбышева.

1982 – 1984 – строительство Нижне-Кутской ГЭС в пос. Нижний Кут Свердловской области. Мастер, прораб, начальник участка, и.о. главного инженера.

1984 – 1987 – работа по контракту с Энергетической компанией Венесуэлы, участие в строительстве электростанции на реке Сан-Хуан...»

Неплохо, отметил Панкратов. Если с двадцатичетырехлетним инженером заключает контракт Энергетическая компания Венесуэлы, это дорогого стоит. Парень-то, видно, не прост.

«В 1987 году Гольцов возвращается в Москву и включается в политическую борьбу, сближается с видными деятелями демократического движения Травкиным, Гавриилом Поповым, Черниченко, Старовойтовой, Афанасьевым, входит в политсовет партии «Демократический выбор России», возглавляемой Егором Гайдаром...»

Господи Боже мой! Кажется, это было только вчера: толпы возбужденных людей на Пушкинской площади возле стендов газеты «Московские новости», шахтеры перекрывают Транссиб, на Манежной площади собирают для них пожертвования. И люди несут последние рубли. Панкратов и сам купил ящик свиной тушенки и привез его на Манежную. Но там брали только деньги, пришлось ехать к Олимпийскому комплексу, там взяли. Он смотрел на фуры, загружаемые нехитрой снедью, ношеной одеждой, одеялами и чувствовал, что у него ком подступает к горлу.

И вот прошло всего двадцать лет, и где это всё? Кто помнит те яростные политические сшибки, куда девались тогдашние пламенные трибуны? Кого-то убили, как Старовойтову, кто-то, как Ельцин и Гайдар, сам умер, остальных замело время, как снег заметает сор на площади, когда уехал цирк.

«Весной 1996 года становится заместителем председателя предвыборного штаба президента Ельцина. Но через два месяца из-за разногласий с руководителями штаба переходит в предвыборный штаб генерала Лебеда и активно работает в нем вплоть до первого тура президентских выборов в июне 1996 года...»

Панкратов хорошо помнил то время. Несмотря на огромные финансовые средства и интеллектуальные силы, брошенные на выборы, в первом туре Ельцин набрал только 35,20 процентов голосов, Зюганов – 32,03, Лебедь – 14,52. Исход второго тура выборов не мог пред-

сказать никто. Проценты генерала Лебеда, сами по себе незначительные, стали ключом от Кремля. Ельцин назначает его секретарем Совета безопасности России и получает голоса его избирателей. Во втором туре он набирает 53,82 процента голосов, на десять процентов больше Зюганова, и становится президентом России. После этого Лебедь оказывается не нужен, своеговольного генерала убирают из Совбеза, позже он выигрывает губернаторские выборы в Красноярском крае, а в 2002 году погибает при крушении вертолета, задевшего винтом за провод ЛЭП в условиях плохой видимости. Писали, что пилоты не хотели лететь, но были вынуждены подчиниться его приказу.

Ни во время пребывания Лебеда на посту секретаря Совбеза, ни позже, в пору его губернаторства, никаких должностей Гольцов не занимал, что было немного странно и даже как-то не в российской традиции. Люди в победившей команде, а третье место генерала Лебеда было огромной победой, всегда водружаются на высокие начальственные места. В объективке, составленной, вероятно, по анкетным данным, ничего этого не было. Гольцов занимался бизнесом, и его арест в 2004 году выглядел не то чтобы странным, но скорее уж нетипичным, как аллергическая опухоль на вполне здоровой руке. Ну да, после ареста Ходорковского открылся сезон охоты. Но далеко не на всех. Государство понимало, что пересажать-то можно всех, но кто тогда будет работать? Сажали политических противников и тех, чей бизнес можно присвоить. Ни к тем, ни к другим Гольцов не относился. В политику не лез, а захватить его бизнес не представлялось возможным, так как это было не нечто устоявшееся, с налаженным производством, с оборудованием и товарной продукцией, которые можно продать. Это был процесс санации предприятий, доведенных до ручки неумелым менеджментом. Процесс не прикарманишь. Да, он был в списке самых богатых людей России, но не в «Форбсе», а в журнале «Финансы». Так что и не это привлекло к нему внимание. Но почему-то его все-таки посадили?

Панкратов отложил папку и прошел на кухню. Была глубокая ночь. За окном давало о себе знать Бульварное кольцо глухим гулом машин и редкими гудками, как вскриками. В ожидании, когда закипит чайник, включил транзистор, попал на станцию «Юмор ФМ». Передавали речь Брежнева на каком-то съезде или пленуме ЦК КПСС. Панкратов не раз уже попадал на эту трансляцию, и всякий раз застревал у приемника на полчаса. Невозможно было оторваться от этой скрежещущей, как ржавый механизм, речи, с раскатистыми «р», с шамканьем, с вкусными причмокиваниями. А ведь когда-то это было вовсе не шуткой. Сравнительно недавно, еще на памяти Панкратова. Молодого Брежнева он не застал, а этот, шамкающий, намертво врезался в память.

«А ведь он говорит очень правильные вещи», – неожиданно подумал Панкратов. – И нынешние руководители тоже говорят очень правильные вещи. Интересно, как их будут слушать лет через двадцать?

Чайник давно вскипел, передача закончилась, а Панкратов все сидел за кухонным столом, положив тяжелый подбородок на сомкнутые замком руки. Странные мысли роились у него в голове. В том, что говорили президент Медведев и премьер-министр Путин, он как бы слышал раскатистое «р» и шепелявость Брежнева, из-под торговых центров и небоскребов Москвы упрямо выпирали семь московских холмов, а сквозь мишуру демократической России неумолимо проступал Советский Союз.

IV

После катастрофы «Боинга» в Перми Федеральное агентство воздушного транспорта отозвало лицензию у авиакомпании «Аэрофлот-Норд» на то время, пока не будут устранены все недостатки, выявленные в ходе инспекционной проверки Росавиации. Так надо полагать, пока командиры корабля не привыкнут садиться за штурвалы трезвыми, а экипажи не освоятся с

иностранными приборами. Разыскивать дежурную, которая оформляла билет Гольцову, было делом бесперспективным, да и вряд ли она могла что-то добавить к тому, что уже рассказала. Панкратов поступил по-другому. Изучив расписание, он подошел к кассе и купил билет до Казани. Вылет в 15-15, прилет в 16-45.

– Рейс выполняет «Аэрофлот», – предупредила кассирша. – Четыре тысячи шестьсот шестьдесят семь рублей. Через три часа будет рейс «Трансаэро» – три тысячи семьсот пятьдесят четыре. Почти на тысячу рублей дешевле. Подождете?

– Нет, я спешу.

– Регистрацию уже объявили, приятного полета.

У стойки «Аэрофлота» отдал билет и паспорт дежурной, лет тридцати, в синем форменном костюмчике с красной шелковой косынкой и шрамом на подбородке, который ее не портил, а даже придавал ее простенькому личику какое-то своеобразие. Она ввела его данные в компьютер, спросила:

– Багаж есть?

– Нет.

– Что берете в салон?

– Ничего.

– Совсем ничего?

– Совсем. Куплю какой-нибудь детектив.

– Берите коротенький, лететь всего полтора часа, – посоветовала дежурная.

От зала ожидания сектор посадки отделялся несколькими рамками металлоискателей и аппаратами, просвечивающими содержимое ручной клади. Багажом занимались сотрудницы аэропорта, возле рамок металлоискателей дежурила милиция. Панкратов послушно выгрузил из карманов ключи от машины и квартиры, мобильник, всю мелочь, но детектор все-таки зазвенел. Пришлось снять и ремень с металлической пряжкой, совсем небольшой, но вызвавшей возмущение металлоискателя. Придерживая штаны, Панкратов наконец пересек границу и оказался в том, что раньше называли накопителем.

Ему много приходилось летать и в советские времена, и в постсоветские. По мере того, как изменялась жизнь, менялись и накопители. Когда-то это были огромные мрачные помещения без окон, с бетонными полами, без единой скамейки. Когда в них набивалось человек сто пятьдесят – столько, сколько вмещал самолет, – открывалась дверь на летное поле и пассажиры устремлялись к самолетным трапам. Тому, кто попал в накопитель, обратного хода не было.

Постепенно накопители менялись. Сначала в них появились скамейки, потом окна, а потом они и вовсе исчезли. Накопитель аэропорта «Домодедово» ничем не отличался от залов ожидания – мраморные полы, мягкие кресла, световые табло у выходов на посадку. Панкратов устроился так, чтобы видно было табло. Когда появился номер казанского рейса и струйка пассажиров начала перетекать из накопителя в длинный коридор, выходящий на летное поле, неторопливо поднялся и направился в зал ожидания.

– Гражданин, вы куда? – окликнул его милиционер, дежуривший у металлоискателя.

– Куплю чего-нибудь почитать.

– Там же есть газетный киоск.

– Ничего подходящего не нашел.

– Только не задерживайтесь, посадка уже идет.

В газетном киоске Панкратов купил несколько пухлых еженедельников, устроился в кресле в глубине зала ожидания и принялся листать их, время от времени поглядывая на часы. В 15-15 казанской борт взлетел, в 16-45 приземлился в Казани. Выждав еще четверть часа, он направился к стойке «Аэрофлота». Дежурная со шрамом на подбородке удивилась:

– Вы не улетели?

– Это я и хочу узнать. Улетел я или не улетел. Запросите справочное, прибыл ли пассажир Панкратов в Казань. Панкратов – это я.

– Прибыл, – сообщила она, пошелев клавиатурой компьютера. – Ровно в 16-45.

– Значит, если бы самолет разбился, я попал бы в список жертв авиационной катастрофы?

– Что вы такое говорите! – возмутилась дежурная. – Наши самолеты не разбиваются!

– Иногда разбиваются, – возразил Панкратов. – 14 сентября 2008 года. Пермь. «Боинг 737» компании «Аэрофлот-Норд».

– Это был не наш самолет!

– Я и не говорю, что ваш. Я говорю, что иногда они всё-таки разбиваются.

– На это я вам вот что скажу. Я десять лет летала стюардессой. И ничего. А однажды поехали на машине в Крым и попали в аварию. С тех пор хромаю, а какая из хромой стюардесса? Я вот смотрю на вас и никак не могу понять, как это вы можете быть здесь и одновременно в Казани?

– Я тоже хочу это понять. Предположим, я перебрал лишнего в баре, задремал и опоздал на рейс...

– Вы не похожи на поддатого.

– Я сказал, предположим. Как контролируются пассажиры?

– Я сообщаю дежурным, сколько пассажиров зарегистрировалось. Они отрывают билеты и пересчитывают. В самолете старшая борпроводница считает по занятым креслам. Если бы у вас был багаж, вас сразу бы вычислили. Если пассажир сдал чемодан в багаж, а сам не полетел – это ЧП. Кто его знает, что у него в чемодане. Но у вас багажа не было.

– Почему борпроводница не обнаружила отсутствующего пассажира?

– Да ведь знаете, какая суматоха при посадке. Просчиталась. Или кто-то посадил двухлетнего ребенка на свободное кресло. По всякому бывает. Хотите сдать билет? С пассажира, опоздавшего на рейс, взимается двадцать пять процентов штрафа.

– Нет, – сказал Панкратов. – Я его сохраню на память. Спасибо, вы помогли мне разобраться в одном запутанном деле.

– Можно спросить? – остановила его дежурная. – У вас такая симпатичная стрижка, ужас как мне нравится. Я мужу всегда говорю, стригись покороче, тебе идет. Не получается. Как ни придет из парикмахерской, всё не то. Где вас стригут? Если, конечно, не секрет.

– Это большой секрет, – серьезно ответил Панкратов. – Но вам, так и быть, скажу. Раз в два месяца жена берет машинку и стрижет меня наголо. С неделю я не могу смотреть на себя в зеркало. Невыразимо противно. Потом привыкаю. Через два месяца всё повторяется.

– Завтра же своего охломона постригу!..

Панкратов забрал машину с платной стоянки и выехал на шоссе. Он был доволен временем, проведенном в аэропорту. Кое-что удалось узнать, но что – в этом еще нужно разбираться.

Значит, чемодан отправить без пассажира нельзя. А купить билет, пройти регистрацию и не улететь можно. И никто ничего не заметит. Осталось выяснить, что заставило Гольцова купить билет в Пермь и в последний момент отказаться от вылета. Если он отказался, в чем никакой уверенности у Панкратова не было.

Смушала машина, оставленная на стоянке. Если человек раздумал лететь, он сядет в машину и уедет домой. Зачем ему тащиться на автобусе-экспрессе или на электричке? Только в одном случае: если он хочет, чтобы все думали, что он улетел в Пермь. Когда стало известно о гибели самолета? Через час, полтора? В электричках радио нет, в экспрессах обычно крутят попсу. Значит, Гольцов узнал об этом уже в Москве. И не поспешил обзвонить родных и друзей, чтобы сообщить, что по счастливой случайности он остался жив. Значит, что? Значит, ему зачем-то было нужно, чтобы его посчитали погибшим. Зачем?

Каждый год в России бесследно исчезает больше семидесяти тысяч человек. Процентом десять из них – старые люди, страдающие потерей памяти, иногда они обнаруживаются в тысячах километрах от дома. Процентом пятнадцать – оставленные без присмотра малолетние дети и подростки, сбежавшие от родительского насилия или в знак протеста против ущемления их свобод. В большинстве случаев их находят и возвращают под родительский кров. Но процентом десять так и остаются пропавшими без вести. В основном же исчезают люди вполне взрослые, никаким психическим заболеваниями не подверженные. Часто это гастарбайтеры, отправившиеся на поиски лучшей доли и не желающие возвращаться в нищие палестины. Нередки среди них злостные алиментщики, многоженцы, разорившиеся предприниматели, скрывающиеся от долгов. Да мало ли что может побудить человека уйти в бега.

По закону их ищут пятнадцать лет, после чего розыскное дело закрывается, а фигуранта объявляют умершим. Но родственники уже через пять лет могут по суду признать пропавшего безвестно отсутствующим и вступить во владение его имуществом, если такое имущество было.

Поиск пропавших всегда ведется по такой же отработанной схеме, по какой больных, доставленных на скорой помощи в приемный покой, подвергают стандартным процедурам: измерение давления, ЭКГ, анализ мочи и крови. Так же действует и милиция: осмотр места происшествия, если известно, откуда человек пропал, опрос тех, кто видел его в последний раз, опрос родственников и знакомых. Если по горячим следам ничего узнать не удалось, розыскное дело ложится на полку и лежит до тех пор, пока фамилия пропавшего не мелькнет в милицеских сводках или из морга не сообщат о похожем трупе.

Панкратов знал о том, как работает милиция. И хотя ему никогда не приходилось разыскивать без вести пропавших, он не видел причин, почему нужно отступить от сложившейся практики. По правилам сейчас ему следовало бы встретиться с вдовой Гольцова, но он решил погодить. Если допустить, что Гольцов не погиб и она об этом знает, вряд ли она что-нибудь скажет, а у Панкратова не было никаких средств, чтобы побудить ее к откровенности. Поэтому он решил начать раньше – с ваганьковского камнереза Фрола. Но сначала нужно было взглянуть на надгробие, чтобы не оказаться в неловком положении, если этот Фрол спросит, видел ли он его. А он обязательно спросит, творческие люди очень ревниво относятся к своим творениям.

Контора Ваганьковского кладбища приятно удивила Панкратова своим видом. Не было сваленных в углу заступов в глине, за столом не забивали козла свободные от работы могильщики, небритые, в замызганных робах и кирзачах, благоухающие перегаром. Такую картину Панкратов наблюдал лет десять назад на Люберецком кладбище, когда помогал вдове организовывать похороны знакомого. Приемная была похожа на обычный офис, могильщиков вообще не было, а в окошке с надписью «Справки» за компьютером сидел приличный молодой человек в приличном костюме с галстуком, типичный банковский клерк.

- Я хотел бы узнать, где похоронен один мой знакомый, – обратился к нему Панкратов.
- Нет проблем. Справка сто восемьдесят рублей. Фамилия?
- Гольцов Георгий Андреевич.
- Свидетельство о смерти есть?
- Нет.
- Когда похоронили?
- Точно не знаю. Вскоре после 14 сентября 2008 года.
- Справка триста двадцать рублей. За сложность поиска. Согласны?
- Ищите.

Клерк пощелкал клавиатурой.

– Нашел. Я могу назвать вам сектор и номер участка, но сами вы не найдете. Дать сопровождающего?

– Дайте.

– Плюс пятьсот. Итого восемьсот двадцать. Это в кассу. И сотни три дадите ему. Не обездолит?

– Выдержу.

– Минутку!.. – Клерк ушел в соседнюю комнату и вскоре вернулся с худосочным юношей в темном одеянии, напоминающем монашеское, с жидкой бороденкой и с черными волосами до плеч. – Иероним. Это его так зовут. Он здесь всё знает

Клерк получил деньги, дал Иерониму листок с номером участка и занялся другим посетителем.

– Усопший был вашим близким? – спросил Иероним.

– Я бы этого не сказал.

– Навестить могилу любого человека – богоугодное дело. Пойдемте...

Клерк не преувеличил, Иероним прекрасно знал кладбище. Минут через двадцать, покружив между могильными оградами, они оказались на месте.

– Вот. Раб Божий Георгий. Мир праху его. Назад дорогу найдете?

– Подождите меня, я недолго, у меня к вам еще одно небольшое дело, – сказал Панкратов и дал ему пятьсот рублей.

– Благодарствую, – с поклоном сказал Иероним и немного отступил назад, чтобы не мешать человеку в богоугодном деле.

Если бы Панкратов ничего не знал о Гольцове, то и тогда надгробие произвело бы него впечатление. Но он уже кое-что знал, и в образе молодого человека, вырывающего из глыбы белоснежного мрамора, угадывал то, что так и осталось в камне. Воображение дорисовывало дерзкий веселый взгляд, живость некрасивого, но поразительно обаятельного лица, неукротимую волю в крутых скулах и твердом подбородке. «Не хотел бы я иметь этого человека своим врагом», – почему-то подумал Панкратов.

– Нравится? – спросил Иероним.

– Да.

– Его рукой водил сам Господь Бог, истинно говорю вам.

– Чьей рукой? – не понял Панкратов.

– Рукой Фрола. Господь его посещает. Но редко. Чаще им владеют бесы. Мы все молимся за него.

– Помогает?

– Не очень. Не доходят наши молитвы. Наверное, нет в них настоящей веры.

– Где мне найти Фрола? – спросил Панкратов.

– Вам зачем?

– Хочу выразить ему свое восхищение.

– Ему будет приятно услышать доброе слово. У него мастерская под Ваганьковским путепроводом. Это недалеко. Спросите, его там все знают. Раньше там были гаражи, а сейчас обитают разные божьи люди.

– Бомжи?

– Каждый человек – раб Божий. Какая кому доля выпала, ту он и несет.

Панкратов достал тысячерублевую купюру и протянул Иерониму. Тот отрицательно покачал головой:

– Вы мне уже заплатили.

– Это не вам. Я не догадался принести цветов на могилу. Сделайте это за меня.

Уже отойдя от могилы, Панкратов оглянулся. В дымке хмурого зимнего дня белоснежное надгробие на черном гранитном постаменте словно бы светило изнутри неземным, божественным светом.

VI

Путепровод Панкратов нашел без труда, припарковал машину в начале Беговой улицы, вошел под мост и тут сразу же потерялся. Горы мусора, огромные железные ворота, ведущие неизвестно куда, никого вокруг. Потянул на себя ржавую створку бокса, из которого доносились неясные звуки, и сразу же отшатнулся. В нос шибануло помойкой, внутри шевелились какие-то люди, мало похожие на людей, – в отрепьях, с тупыми бессмысленными лицами, с большими глазами. Спрашивать их о чем-то было бесполезно, они изъяснялись уже не на человеческом языке, а на каком-то другом, предчеловеческом. Остальные ворота были заперты, а в тех боксах, где ощущалась какая-то жизнь, на стук не отвечали, даже притихали, замирали, пережидая непрошенное вмешательство.

Панкратов прошел из конца в конец под мостом и хотел уж было уйти, но тут со стороны Беговой бодро вкатились два бомжа с тяжелыми рюкзаками и установились на Панкраторова, как на приведение. По-видимому, обычный человек в обычной одежде был здесь большой редкостью.

– Мужики, не подскажите, где мне найти Фрола? Фрол, камнерез с Ваганьковского, – пояснил Панкратов.

– Он нам рассказывает, кто такой Фрол, – хмыкнул один из них. – На хера тебе Фрол?

– Есть к нему небольшое дело.

– Он не при делах, бухает. Попробуй. Крайний бокс с той стороны, видишь? Только стучи сильнее. Он, когда бухает, никому не открывает. Когда работает – тоже. Но ты стучи.

– Пошли, люди ждут! – нетерпеливо вмешался второй.

Возле одного из боксов они сбросили рюкзаки, в них звякнули бутылки, явно не пустые, постучали в железную дверь условным шпионским стуком. Дверь распахнулась, вырвался торжествующий вопль десятка глоток, дверь закрылась и снова всё стихло. Жизнь продолжалась. Наверху своя, здесь своя.

У крайнего бокса Панкратов немного постоял, прислушался. Ни звука. Попробовал постучать кулаком, без толку, только перепачкался в ржавчине. Отыскал в мусоре кусок трубы, заколотил по створке так, что железо загудело. Сработало. Изнутри повозились с замком, бокс открылся, в створе возник какой-то человек, пробурчал раздраженно:

– Ну чего молотишь, чего молотишь? Как по башке, надо же понимать. Быстрее заходи, дует!

Бокс был большой, без окон, с высоким сводчатым потолком, черным от гари, с ремонтной ямой и талями, сохранившимися от тех времен, когда здесь ремонтировали машины. С потолка на длинном проводе свисала лампочка с жестяным абажуром, освещая часть бокса, приспособленную под жилье: стол с бутылками и остатками еды, продавленная тахта, явно с помойки, два таких же кресла с ободранной обивкой. Остальное пространство терялось в темноте. В боксе было тепло, что немного удивило Панкраторова. Приглядевшись, он заметил вдоль стен трубы теплоцентрали, отопление не отключили – то ли забыли, то ли по каким-то другим причинам.

– Располагайся, раз пришел, – недружелюбно предложил хозяин, опускаясь в кресло и деловито наливая себе водки в граненый стакан. – Будешь? Не паленка, не думай. Настоящий «Ермак». Уважаю!

– Нет, спасибо, я на машине, – отказался Панкратов.

– Была бы честь предложена. – Фрол как бы с усилием пропихнул в себя водку и откинулся в кресле, будто передыхая после трудной работы.

Только теперь Панкратов его рассмотрел. Он был в бордовом стеганом халате, когда-то богатым, с атласными отворотами, а теперь замызганным, с торчавшей из швов ватой. Халат распирала волосатая грудь, мощная, как у молотобойца. Длинные седые волосы перехватывал кожаный ремешок, глаза на блеклом лице светились неукротимым огнем, как у ветхозаветных пророков.

«Сумасшедший, – сразу решил Панкратов. Но тут же вспомнил надгробие Гольцова и поправился: – Или гений. Черт их разберет!»

Он никак не мог придумать, с чего начать разговор, но Фрол невольно помог вопросом:

– Как ты меня нашел?

– Подсказал монашек с Ваганьковского. Иероним.

– А, Ерёма! – заулыбался Фрол. – Божий человек, всё молится за меня. А того не может понять, что у каждого свой путь к Богу. У него вера и церковь, у меня это вот, – шелкнул он по стакану. – Ты пьешь?

– Случается.

– Тогда поймешь. Замечал, как бывает, когда наберешься под завязку? Ничего нет, есть только горные выси и ты один на один с Ним. И паришь там, паришь. Всё внятно, никаких загадок. «И внял я неба содроганье, И горный ангелов полет, И гад морских подводный ход, И дольней лозы прозябанье», – с чувством продекламировал Фрол. – Это Пушкин. Говорят, он не пил. А я так думаю, квасил по-черному. Уедет к себе в Болдино и поддает. А иначе откуда бы он всё это знал?

– Гений, – неопределенно отозвался Панкратов.

– Вот! – почему-то обрадовался Фрол. – А кто такой гений? Тот, кто общается с Ним. Иногда. Часто нельзя, человек не выдерживает.

– А похмелье? – любопытствовал Панкратов, которому случалось выпивать со всеми вытекающими последствиями.

– А что похмелье? Если ты побывал в раю, справедливо, если после этого посидишь в аду. За всё нужно платить, закон природы. Погоди, подзаправлюсь... – Фрол пропихнул в себя еще полстакана водки, отдышался и оживленно продолжал: – Ерёма говорит, что в меня вселяются бесы, когда бухаю. Нет, они вселяются, когда завязываю. Терзают, суки. А почему? Хотят вытравить память о том, как я был с Ним. Но ничего у них не выходит. Это остается тут, – Фрол постучал себя по лбу корявым пальцем. – И тут, – постучал по груди. – А главное тут – в руках. Ты думаешь, я сам решаю, что из камня убрать, а что оставить? Нет, Он. Я всего-то инструмент в Его руке. Такие дела.

– Сколько вам лет? – спросил Панкратов.

– Сорок. Нет, сорок уже было. Сорок один. Или сорок два. Не помню.

– Вы учились скульптуре?

– Этому не учат. Это или есть или нет и никогда не будет. Когда-то учился в Суриковском. Давно. На третьем курсе мои работы похвалил Неизвестный. Эрнст Неизвестный, слышал про такого? Сказал: в парне есть искра Божья. После этого меня из института поперли.

– За то, что похвалил Эрнст Неизвестный?

– Да нет, за пьянку.

– А потом?

– Потом пошла жизнь. Нужно было кормить семью. Так и стал камнерезом.

– Семья сохранилась?

– Куда-то исчезла, ничего про неё не знаю. А ты, мужик, кто? Повадка у тебя ментовская.

– Нет, я не из милиции. Я сам по себе. Один человек рассказал мне, что вы разговаривали на могиле Гольцова с живым Гольцовым. Было такое?

– Ну да, было. А что?

– Я хотел бы кое-что уточнить. Посмотрите на эти снимки...

Панкратов убрал со стола пустые бутылки и выложил штук тридцать фотографий. Накануне он полдня просидел за компьютером, скачивая из Сети снимки самых разных людей, близких по возрасту, лет по пятьдесят, и печатая их на цветном лазерном принтере. Среди них была только одна сканированная фотография Гольцова – из папки, которую передал ему Михеев. Снимок был сделан, вероятно, сразу после выхода Гольцова из лагеря – в казенной одежде, с настороженным выражением лица.

– Вы кого-нибудь узнаете из этих людей?

Фрол скользнул взглядом по снимкам и сразу ткнул в Гольцова:

– Он. Такой он и был, когда я с ним разговаривал.

– Спасибо, вы мне очень помогли. Я был сегодня на Ваганьковском кладбище, видел вашу работу. Я небольшой знаток, но она произвела на меня сильное впечатление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.